Камень становится песком

Rating:	Mature
Archive Warning:	Creator Chose Not To Use Archive Warnings
Categories:	F/F, F/M, Gen, Multi
Fandoms:	Wiedźmin | The Witcher (Video Game), Wiedźmin | The Witcher - All Media Types, Wiedźmin | The Witcher Series - Andrzej Sapkowski, Gwent: The Witcher Card Game (Video Game)
Relationships:	Aelirenn | White Rose of Shaerrawedd/Gezras of Leyda, Aelirenn/Ithlinne
Characters:	Aelirenn | White Rose of Shaerrawedd, Gezras of Leyda, Ithlinne Aegli aep Aevenien, Erland of Larvik, Idarran of Ulivo, Francesca Findabair | Enid an Gleanna, Simlas Finn aep Dabairr
Additional Tags:	Canon-Typical Violence, Dark Fantasy, Fantastic Racism, Elves, Drabble Collection, Minor Original Character(s)
Language:	Русский
Stats:	Published: 2021-03-13 Updated: 2024-04-24 Words: 22,340 Chapters: 18/?

Камень становится песком

by AlmightyJanitor

Summary

Сборник драбблов про персонажей, живших в X-XI веках после Сопряжения сфер, и на момент основного цикла книг ставших героями истории. В основном — про Аэлирэнн и других участников её восстания, ведьмаков школы Кота и их создателей, а также всех сочувствующих.

Notes

Первая часть здесь: https://archiveofourown.org/works/29999127

Жареный миндаль и вопросы практической топографии (Аэлирэнн / Гезрас из Лейды, гет, PG-13)

Chapter Summary

ОТП челлендж, день 1 — getting lost somewhere

Рыночная площадь в Венгерберге шумела как стая гарпий и воняла, как гнездо потревоженных гнильцов. Гезрас разглядел на противоположной её стороне, поверх голов толпы продавцов и покупателей, вывеску «Махакамские скобяные изделия». Если верить его спутнице, то за лавкой с этой вывеской им нужно было свернуть в проулок, обойти пару домов и спуститься в подвал. Аэлирэнн, однако, торопиться не собиралась.

— Объясни, будь добра, зачем нам это нужно? — без особой надежды спросил Гезрас. Он успел понять, за те несколько дней, что довольно бессмысленно болтался по лесу вместе с эльфами — не возвращаться же на большак брать и дальше заказы, если ты сам на этом самом большаке только что своих заказчиков и перебил — что планы Аэлирэнн существуют исключительно в её голове и делится она ими очень и очень неохотно.

— Нужно — потому что со всем добром, которое мы, — тут она улыбнулась так, что Гезрас начал всерьёз сомневаться, хочет ли он дальше слышать хоть слово, — благодаря тебе, надо сказать, украли, надо что-то делать. А господин Якопо Мацца любезно согласился встретиться со мной и рассказать, кто из краснолюдских промышленников недоволен внешней политикой Махакама и готов бы был нам подсобить.

Это ему было хорошо известно — aen Seidhe не были сильны ни в строительстве, ни в инженерии, а сам он из украденного обоза с взрывчаткой мог бы сделать разве что обоз с ведьмачьими бомбами — однако никак не объясняло того, чем они собирались заняться сейчас.

— Нам, — продолжила Аэлирэнн, — потому что Доран скорее проглотит свой меч, чем станет всерьёз разговаривать с краснолюдом, а Мэв просто-напросто открутит этому краснолюду голову. Ещё мне очень бы нужен настоящий махакамский сигилль, ну, а ты в самый раз годишься для, хмм, небольшого устрашения.

Что правда, то правда. Вряд ли кто-то мог бы с первого взгляда подумать, что хрупкая эльфка, в которой едва ли наберётся пять с половиной футов роста, может убить кучу народа чужими руками. Да и своими собственными, в общем-то, тоже.

— Ладно, — кивнул Гезрас. Не то чтобы он услышал что-то для себя новое. — Но зачем нам нужен…

— Жареный миндаль? А! Потому что это самая вкусная еда на свете.

Что на большаке, что в городах ходили слухи, что ведьмаки не могут испытывать никаких эмоций, а если вдруг кто и может, то ведьмачьи лица лишены всякой способности их выражать. Гезрас в этом сильно сомневался. Лица взрослых ведьмаков, которых он видел ещё в том, первом замке, с эмоциями справлялись вполне хорошо. Лучше всех ему запомнился один, почти весь покрытый скеллигийскими татуировками — у него от уголков глаз расходились лучами морщины, которые, как он слышал когда-то давно, бывают только у очень хороших людей. С ним же самим, Гезрасом из Лейды — вообще-то не совсем из Лейды, но это и не важно — и его товарищами всё, что могло пойти не так, пошло, и потому «коты» едва ли были образцовыми ведьмаками. Что касается эмоций — уж точно, потому что сейчас всё его недоумение явно отражалось у него на лице.

— Если ты украл его у dhoine, — уточнила Аэлирэнн. А потом обняла его за пояс и легко прижалась всем телом. — Ну, давай же. Отвлеки мне вон тех стражников.

Говорить «нет», как Гезрас уже успел понять, у него не было совершенно никаких сил.

***

Пара стражников, один с гизармой, другой с арбалетом, составлявшие патруль аэдирнской королевской стражи, оказались людьми деловыми, хотя и разговорчивыми. Когда Гезрас вытащил из-под куртки медальон с выгравированной кошачьей головой, принялись вспоминать, нет ли в округе работы для ведьмака. Беда была лишь в том, что…

— Эх, жаль, ведьмин, поздновато ты к нам пожаловал, — вещал арбалетчик густым басом, — пять годков тому было бы тебе раздолье. А сейчас поизвелись у нас все страховидлы.

— Поизвелись, ага, — поддакивал ему тот, что с гизармой, — только нелюди-то и остались. Недобитки сраные, тьфу, чтоб им на том свете гореть.

Гезрас зыркнул глазами через плечо. Всё в порядке. Рефлексы его были быстрыми, даже для ведьмака, и стражники, да если бы и пытались, ничего не заметили бы.

— А ты, милсдарь ведьмин, на нелюдей, стало быть, не охотишься? Оно бы кстати пришлось, — продолжил арбалетчик.

Гезрас пожал плечами, поправил капюшон. В который уже раз порадовался, что с самого первого дня на Пути завёл себе привычку носить его, почти не снимая.

— Это раньше был эльфский город, — произнёс тихо. Но уверенно.

— Ну и что с того? — хором удивились стражники. — Теперь-то наш. А меньше нелюдей — оно и людям-то только лучше.

Гезрас изо всех сил сжал кулаки. Вот-вот обещало наступить оно, то самое мерзкое жгучее чувство, после которого ты оказываешься посреди мостовой, перепачканный чужими кишками и кровью, с пустой головой и колотящимся, как если принять слишком много эликсиров за раз, сердцем. Лучше бы стражникам теперь замолчать, а Аэлирэнн поторопиться.

— Сука эльфская! — раздался где-то позади него истошный ор. — Обокрасть меня вздумала?! Да я тебя, пизду драную… Эй, стража!

Гезрас обернулся. Скрюченный лавочник кричал на Аэлирэнн что есть мочи, а она смотрела ему, Гезрасу, прямо в глаза и едва заметно махала ладонью у пояса. *Всё нормально. Не надо.*

Было для этого слишком поздно — он уже выхватывал из-за спины стальной меч, другой ткнув одного из стражников прямо в лицо знаком Игни.

***

— Bloede vatt'ghern! — кричала ему Аэлирэнн — Esseath foile?!

Гезрас Старшую Речь понимал постольку-поскольку, но слова эти явно не значили ничего хорошего.

— Бежим отсюда! Давай!

Для эльфки, большую части времени проводящей посреди леса, она удивительно хорошо знала все проулки и тупики Венгерберга, и удивительно хорошо понимала, как скрыться от толпы набежавшей стражи.

***

Деревянная приставная лестница едва не рухнула под ними, когда они взобрались на почти что плоскую черепичную крышу какого-то не то цеха, не то склада. Никто за ними больше не гнался, стражники успели заплутать и потеряли их из виду ещё с четверть часа назад, но всё же залезть сюда и переждать всяческие волнения было, в их ситуации, лучшей идеей. Он бы и сам так, наверное, поступил.

Аэлирэнн села на краешек крыши, откинулась на локтях, тяжело переводя дыхание. Гезрас опустился рядом с ней. Взглянул вверх: дело шло к закату, по небу пробежала пара облаков, чуть поодаль виднелась струйка дыма — похоже, именно с рыночной площади. От его Игни, поджёгшего сухую солому.

— Котик, — сказала Аэлирэнн, наконец отдышавшись, — я, конечно, ненавижу dhoine, но не до такой же степени.

— Угу, — пробормотал Гезрас.

Глупо было бы пытаться объяснить, что он вряд ли смог бы сдержаться, даже если бы и хотел. И что он, вообще-то, и не хотел — хотя они с Аэлирэнн и были знакомы меньше недели, мысль о том, что кто-то станет так её оскорблять, вызывала в нём гнев.

— Ну или всё-таки до такой, — спустя минуту раздумий протянула она. — Но давай в следующий раз попробуем хотя бы ничего не спалить.

— Попробуем, — повторил за ней Гезрас. Мысль о «следующем разе» была намного приятней, чем ей следовало бы.

Крыша нависала над оживлённой улицей, одной из тех, должно быть, которые ведут к городским воротам и потом плавно перетекают в большак.

— Ты вообще знаешь, где мы теперь? — спросил Гезрас. И спустя мгновение добавил. — И ты же не орехи у этого лавочника собиралась украсть?

— Нет, — просто ответила Аэлирэнн. Вытянула ноги в перепачканных пылью сапогах, прямо над головами прохожих внизу, достала из кармана куртки кулёк — действительно, с жареным миндалём, ведьмачий нюх сразу уловил запах специй и карамели — и отправила несколько из них в рот.

— Правда?

Она только пожала плечами и улыбнулась. Неправда, значит. Или не совсем правда.

— Знаешь что?.. — притворно-задумчиво протянул Гезрас. А потом одним быстрым движением выхватил кулёк у неё из рук.

В нём не было ничего особенного. И правда — только жареные орехи.

Под правым ребром вдруг вспыхнула внезапная, хоть и не сильная, боль — Аэлирэнн ткнула его сложенными пальцами левой руки. Он быстро, не успев даже подумать, повинуясь ведьмачьему рефлексу, оттолкнул её, вскочил на ноги, сложил пальцы, собираясь было сотворить знак Аард.

— Эй! — окликнула его Аэлирэнн. Для кого-то, кого могут вот прямо сейчас столкнуть с края крыши, она была удивительно спокойна. — Я не думала, что это тебя так взбудоражит. Прости меня.

Гезрас шумно выдохнул, приводя в порядок мысли, снова опустился на крышу рядом с ней.

— Если на тебя напали, бей в ответ. Или, если напал вий или сколопендроморф — беги, — наконец произнёс он. — Даже если в шутку. Даже если это ты.

Она кивнула.

— Если у тебя что-то отобрали, то верни себе. Даже если это сделал твой товарищ. С некоторыми привычками непросто совладать. И хотя ты, ведьмак, мне, по правде говоря, очень нравишься — лучше не спрашивай слишком много. И не пытайся узнать.

Гезрас молча кивнул ей. Подобрал тот самый кулёк с орехами, который успел обронить, запустил в него руку, зачерпнул и прожевал небольшую горсть. Было… сладко. Все представления о вкусной еде у него заканчивались на том, что еда эта не должна шевелиться, когда её пытаются есть, и состоять из грибов, а после неё не должно хотеться блевать дальше чем видишь и расчёсывать кожу до крови. Жареные орехи в карамели, кажется, подходили под каждый из этих пунктов. И тем не менее, были отвратительно твёрдыми, отвратительно сладкими и отвратительно горчили на языке после.

— Ну и как? — спросила Аэлирэнн.

— Не понимаю, как ты это ешь, — сказал Гезрас, возвращая ей кулёк. — Ты же не…

Он решил не договаривать, не хотел снова дразнить её, а потом бороться с накатившим приступом злости.

— Не кто, котик?

Она очень медленно — тоже, значит, не хотела опять каких-нибудь недоразумений — стянула с его головы капюшон. Гибкие пальцы зарылись ему в волосы, растрепав до совершенно невозможной степени. Потом спустились ниже, дотронулись до его щеки. Гезрас подался ближе, подставляясь под прикосновения. И всё же, руки её были лучше всего на свете.

— Ну, а всё-таки? — прошептала она.

— Не маленькая беспризорница, которая ворует сладости на ярмарке, — в последний момент нашёлся Гезрас.

Чем, очевидно, всё и испортил. Рука её резко отдёрнулась, как будто её прошило электрическим разрядом, и безвольно опустилась на черепицу крыши.

— Наверное, — безо всякой интонации ответила Аэлирэнн.

Ещё с половину часа они сидели молча. Гезрас считал прохожих внизу, пытаясь определить, каков нынче расовый и социальный состав города Венгерберга, а Аэлирэнн, не моргая, смотрела куда-то в пространство, поверх крыш и потихоньку темнеющего горизонта.

Vänner och Fränder (Эрланд из Ларвика, Гезрас из Лейды, мимо проходил Идарран, джен, G)

Chapter Notes

ОТП челлендж, день 26 (никто не обещал, что будет по порядку) — Interacting with family members
Название — название и первые слова шведской баллады, переводится как "друзья и родня". Послушать можно здесь: https://youtu.be/UnfzDkwoZsc
Исковерканные слова - не баг, так должно быть.

Копыта его кобылки ритмично стучали по тракту. В этом году первые заморозки пришли рано, уже через пару недель после Эквинокция лужи по утрам покрывались тонкой коркой льда, а трава и опавшие листья — инеем. А теперь, на Саовину, холода превратили размытую осенними дождями дорогу в череду замёрзших колдобин. Потому ехал он шагом.

Думал, как хорошо бы было, если бы все они, как раньше, собрались в Моргрейге. Даром что никто из них больше не возвращался туда на зимовку. Арн заявил, что видал он в гробу кодексы, орден ведьмаков и прочую высокопарную чушь, и отправился искать счастья один. Мадук как в воду канул. Ивар всё гонялся за чем-то, что он один видел и понимал.

Альзура он видеть не хотел, желательно — больше никогда в своей жизни. А вот Идаррана — да. Его — особенно.

Под копытами глухо простучали деревянные доски, потом этот звук сменился резким грохотом подков о камень. Эрланд из Ларвика подъехал к воротам замка Моргрейг, твердыни ведьмаков, спешился и постучал.

Открыл ему один из, видно, новых чародеев, долговязый, в отороченном мехом плаще. Эрланд показал ему свой медальон.

— С лошадью помочь не могу, — пробурчал чародей. — Если надо вам мастера Альзура или мастера Идаррана, то их сейчас нет. Когда вернутся — не знаю.

Вот так вот. Что ж, значит, он проведёт тут пару дней, отдохнёт после дороги, а потом отправится дальше.

***

Во внутреннем дворе, у конюшен, рос можжевельник. Сейчас несчастный куст переживал явно не лучшие времена — рыжеволосый мальчишка лет восьми, одетый,

как и все дети в Моргрейге, в мешковатую рубашку и штаны неопределённого цвета, с нешуточной злостью лупил его палкой.

Кобыла вздрогнула и шарахнулась в сторону, когда очередной удар заставил ветки затрещать.

— Эй? — позвал его Эрланд. — Ты чего?

Можжевельник снова содрогнулся под ударом палки, иголки посыпались во все стороны, кобыла выгнула шею и шумно втянула воздух. Не любила, когда перед её мордой кто-то чем-то махал.

— Сами они ублюдки, — град быстрых ударов снова обрушился на многострадальный можжевельник. — И никакой я не нелюдь! И на гребёнке у меня лучше их получается! Это, вообще, предрассудки! И *ксеноморфия*!

Эрланд присмотрелся к мальчишке внимательней. Черты лица, слегка заострённые уши и тонкие кости выдавали в нём полукровку-эльфа. Что ж, к Альзуру и всей его шайке всегда попадали самые ненужные — ни своим родителям, ни всеми миру — дети. За все эти годы ничего не поменялось.

— Ксенофобия — это скверно. Но растения здесь ни при чём, — он протянул руку. — Я Эрланд. Эрланд из Ларвика. А ты?

— Гезрас. Из Лейды, — мальчишка сжал его ладонь, немного замешкался. — Ну то есть, не из Лейды, потому что Лейда — это что-то навроде этого, *грознизона*, но я решил, что лучше уж так, чем…

Он запнулся, будто сомневаясь, не наговорил ли уже слишком много.

— Хорошо, — ответил Эрланд, — рад знакомству. А теперь пойдём-ка, поможешь мне с лошадью, а потом мы с тобой немного прогуляемся.

— Угу, — пробурчал мальчишка, отложив своё орудие для убийства можжевельника в сторону. — Пошли.

Видно, успел привыкнуть, что в Моргрейге, если кто-то из старших говорит тебе что-то делать — делать это нужно немедленно.

***

— А Ларвик — это где? — спросил Гезрас, когда рассёдланная лошадь уже жевала сено в конюшне, а они шли наверх, к крепостной стене, что врезалась прямо в гору.

— На Хиндарсфьялле. На Скеллиге, — Эрланд махнул рукой на запад. — Далеко отсюда, в общем.

— А что там?

Ему понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, что значило это «*что там, на Хиндарсфьялле, есть интересного*», а не «*что там, куда ты показываешь рукой, происходит*».

— Море. Гнилые лодки. И рыба, очень много рыбы.

— А ты его любишь? Ну, море?

— Не знаю, — честно ответил Эрланд. — Никогда об этом не задумывался.

— Ну и правильно. А правду говорят, что люди сюда, — Гезрас сделал круговой жест, — по морю приплыли?

— Ну, сюда, — улыбнулся Эрланд, — сюда — точно нет. Потому что нет здесь никакого моря. Я вот на лошади приехал, и она, клянусь тебе, не кэльпи и не морской конёк.

Гезрас засмеялся, звонко, искренне. Эрланд улыбнулся шире. Был рад, что удалось его хоть как-то развеселить и отвлечь.

— Вот здесь, — сказал Эрланд, когда они наконец добрались до нужного места. Башня, которая торчала в углу крепостной стены, много лет назад развалилась на кирпичики, и теперь здесь было очень удобно сидеть и смотреть на горы. Эрланд и сам так делал когда-то давно.

Он похлопал ладонью по груде камней. Гезрас тут же появился откуда-то у него из-за спины, уселся туда, поджав под себя ноги. Эрланд сел рядом с ним.

— Знаешь, что я думаю? — начал он. — Я думаю, что те, кто дразнил тебя, неправы.

— Ещё бы, — пробурчал Гезрас.

— Не только потому, что ксенофобия и предрассудки — это плохо. А потому, что все мы, считай, семья. Кровь, говорят, не водица, но Испытания, и всё то, что тебе ещё предстоит — это будет посильнее даже крови. И совсем не важно, кем ты родился — важно, что теперь ты станешь ведьмаком.

— Но я не… — начал Гезрас недовольно.

— … не выбирал быть ведьмаком? — перебил его Эрланд.

Гезрас нахмурился. Видно, обиделся, что какой-то незнакомый татуированный тип, весь обвешанный латными пластинами, сходу угадал его самые сокровенные мысли.

— Я тоже, — кивнул Эрланд. — Но семью никто из нас тоже не выбирал. Считай, что тебе выпал второй шанс. Как думаешь, было бы лучше, если бы не забрали тебя чародеи?

В ответ он услышал только невнятное «угу» и обиженное сопение. Что ж, первое время все они были ужасно обижены. Он, Эрланд, тоже не был исключением.

— Подумай над моими словами, пожалуйста. Когда-нибудь потом, может быть.

— А зачем ты вообще сюда приехал? — после минутного раздумья сменил тему Гезрас. — Разве ведьмак не должен быть, ну, в Пути?

— По таким дорогам не больно-то попутешествуешь, — ответил Эрланд. — И потом, я хотел повидать одного моего знакомого чародея.

Мальчишка заметно скривился. К чародеям он явно тоже не питал никаких тёплых чувств.

— Это которого же? Который кашляет всё время?

Интересно, когда это в Моргрейге успел объявиться чахоточный магик.

— У него, говорят, *аллегрия*. Да только брехня это, кровью он кашляет, — мальчик заглянул Эрланду в глаза, задумался. — Нет, не его. Хм, не Альзура же? Нет, тоже не его, он зловредный и иголками тыкает. Точно не его.

Эрланд усмехнулся. Уж кто-кто, а Альзур, несомненно, был зловредным.

Вдруг глаза Гезраса сделались круглыми, как у котёнка, который увидел цепную дворнягу. Сложил, верно, всю мозаику у себя в голове.

— Что, этого?! С когтищами?! Ты чего вообще? — он в каком-то неопределённом порыве схватил Эрланда за руку. — Он же…

— Ну, — Эрланд сжал его узкую ладошку в своей, — скажи, сколько минут назад ты убеждал меня, что судить людей по внешности не стоит?

Гезрас насупился, зыркнул на него своими зелёными — впрочем, это только пока что зелёными — глазами. Эрланд примирительно похлопал его по плечу.

— Он очень хороший, вообще-то, — сказал, и вышло это у него как-то совсем глупо, будто он всерьёз оправдывался перед ребёнком, которого встретил едва ли час назад, почему хочет увидеться со своим старым другом. — Просто ты его не знаешь.

— Как ты? — вдруг спросил Гезрас.

— А меня-то ты с чего хорошим считаешь? — удивился Эрланд.

— Ты меня не обзываешь нелюдем, — начал загибать пальцы Гезрас. — И иголками не тычешь. И не заставляешь есть всякое. И разговариваешь так, как будто я, ну, тоже человек. И вообще…

Эрланд усмехнулся, легонько приобнял его за плечи.

— Немного же тебе надо… — произнёс задумчиво. — Но если так, то точно нет. Не как я.

Гезрас огляделся по сторонам, немного подумал, а потом доверчиво прижался к эрландову боку.

— Тогда я с тобой буду дружить. А с ним всё-таки не стану. Он страшный.

— Договорились, малыш, — ответил Эрланд. — Так тому и быть.

***

На следующий день, вместе с первым снегом, в Моргрейг заявился Идарран, при встрече даже — то ли в приступе невиданной сентиментальности, то ли из-за чего-то ещё — позволив Эрланду обнять себя. Два года они не виделись, как-никак. И Эрланд остался, не на два дня и даже не на неделю, а на всю зиму. Помогал с охотой и рыбалкой, а иногда — с обучением тех из детей, кто постарше, часами рассказывал Идаррану, что делал на Пути — и что ещё могло бы ему там пригодиться — и часто навещал удивительно хорошо перенёсшего испытания травами — может, всё-таки сказалась эльфская кровь — и успевшего изрядно привязаться к нему Гезраса.

А весной, когда горные дороги и перевалы очистились от снега, снова, как и полагалось, отправился в Путь.

***

Через месяц, под Беллетэйн, в Моргрейг прибыл гонец из замка Стигга. Местные чародеи просили предоставить им десяток хорошо перенёсших испытания травами детей. Для апробации нового мутагенного состава, обещавшего сделать психику будущих ведьмаков устойчивой к любым потрясениям.

Неплохо – это недостаточно (Аэлирэнн / Гезрас из Лейды, гет, R за один абзац)

Chapter Notes

ОТП челлендж, день 20 – shopping together

Аэлирэнн на своей карточке в гвинте держит меч левой рукой (https://gwent.one/pl/card/142211). Многие фехтовальщики отмечают, что у левшей есть в драке некоторое преимущество, и левша — весьма неприятный противник.

Меч со свистом рассёк воздух и остановился в паре дюймов от его лица. Ведьмак скосил глаза, глядя на кромку клинка. Сталь с примесью вольфрама и молибдена, выкованная в Махакамских горах в особенно суровую зиму, после закалки помещенная в лёд — и оттого идеально сочетающая в себе прочность, твёрдость и остроту. Действительно хорошая работа.

Не обошлось здесь и без магии — ведьмачий медальон слегка подрагивал и жёг кожу под курткой — хотя определить точно, где она была скрыта, не получалось. Может быть, в простой, ничем не украшенной, но при этом прекрасно сбалансированной и удобно ложащейся в пальцы рукояти. Может быть — где-то ещё.

Понадобись Гезрасу новое оружие — за этот меч он бы не пожалел никаких денег.

Клинок опустился ниже, и ведьмак ощутил легкий удар плашмя по своему предплечью.

Я, вообще-то, всё ещё здесь.

— Нет, — сказал Гезрас. — Не годится.

— Нет? Точно?

Час назад ты рассказывал мне, что это всё суеверия недалёких кметов — ведьмачьи клинки ничем не отличаются от любых других хороших мечей, и полагаться нужно не на какое-нибудь чудодейственное оружие, а на собственную скорость, ловкость и умение предсказать, куда противник ударит в следующий момент. А сейчас ты говоришь «не годится» уже про четвёртый меч.

— Рукоять под правую руку, — объяснил он.

Аэлирэнн перехватила клинок поудобнее, крутанула пируэт и рубанула снизу вверх быстрым ударом.

— Вроде неплохо, — с некоторым сомнением произнесла она. — Не особенно мешает.

Гезрас бросил на несчастный меч уничтожающий взгляд.

— Неплохо — это недостаточно! — сказал он, и вышло это много резче, чем он бы хотел. — Если у тебя уже есть преимущество, нельзя от него так отказываться! Нельзя драться, если твоё оружие тебе мешает! Одно неправильное движение, и ты…

Скулишь и корчишься от боли, подбирая вывалившиеся внутренности. Судорожно пытаешься зажать фонтан крови из повреждённой артерии. Смотришь, как твоя собственная рука, которой ты мгновение назад неудачно замахнулся для удара, остаётся лежать на земле.

Он вздрогнул, пытаясь отогнать слишком яркое воспоминание. Подвал замка Стигга, медленно капающая с потолка вода и успевшие окоченеть пальцы, мёртвой хваткой сжимающие его запястье. Холод, запах страха и смерти и чудовищное, выворачивающее все внутренности наизнанку одиночество.

Аэлирэнн набрала было в грудь воздуха, чтобы что-то возразить. А потом посмотрела ему в глаза — долго, внимательно — и махнула рукой. Отложила меч на прилавок, подошла к ведьмаку ближе, обняла за шею и коснулась губами его виска.

— Ладно, котик, — сказала ему тихо. — Тебе, как-никак, виднее. Поищем где-нибудь ещё.

***

Краснолюд-оружейник, проводив странную парочку и закрыв за ними дверь лавки, долго бухтел про себя, убирая подальше свои лучшие товары, которые показывал только самым взыскательным посетителям. Он никак не мог решить, что же, всё-таки, хуже: так непотребно смотреть друг на друга или держать меч в левой, мать её за ногу, руке.

Кассандра (Аэлирэнн / Итлина Аэгли, фемслэш, PG-13)

Chapter Notes

ОТП челлендж, день 16 — needing each other
Хэдканоны мои хэдканоны
(Немного очевидное) музыкальное сопровождение: https://youtu.be/6ukmjBSQY-c

Если бы Аэлирэнн спросили, как выглядит Итлина Аэгли аэп Аэвениен, то она ответила бы, что выглядит та смертельно уставшей. И хотя её эпатажно-красные тени и шелковое платье с глубоким декольте были призваны привлекать внимание к тому, что Знающая хотела показать окружающим, и скрывать всё остальное, Аэлирэнн всё равно видела лопнувшие сосуды в белках глаз и потухший взгляд.

На мраморном столике, рядом с букетом в высокой вазе, стояли два хрустальных бокала и бутылка вина. Аэлирэнн, не дожидаясь приглашения, наполнила оба.

— Я ещё поговорю с ними. Но, сама понимаешь, обещать ничего не могу. Мало кто любит плохие новости, — тихим, но чётким и хорошо поставленным голосом произнесла Итлина. И прибавила, ещё тише, сделав маленький глоток из бокала. — И меня.

— Понимаю, — ответила Аэлирэнн.

Это с самого начала было ужасной идеей. Можно было придумать и что-нибудь получше, чем заявиться без приглашения в Шаэрраведд и рассказывать, что не так далеко от мраморного дворца, садов и фонтанов бушуют погромы.

Может быть, дело в её акценте. Один из Знающих так и сказал Дорану — кому же ещё, без него Аэлирэнн бы даже и близко не подпустили — закопай, мол, это чудовище, которое на Старшей речи коверкает половину слов и то и дело пытается перейти на всеобщий, туда, откуда ты её откопал. А сам займись магией, архитектурой, или, на худой конец, музыкой. Может быть, дело в одежде. Сапоги приходилось чинить столько раз, что уже и сосчитать нельзя, а купленные за несколько медных монет штаны и рубашку раньше носила какая-то женщина из dhoine. Может быть — в манерах.

Или, быть может, никто и правда не любит плохие новости. Просто пристрелите гонца, и забудете о них, если не навсегда, то надолго.

Они собирались уже уходить, признав за собой позорное поражение, когда Итлина Аэгли аэп Аэвениен, чародейка, Знающая и прорицательница, пользующаяся среди aen Seidhe крайне дурной репутацией, выразила желание говорить с Аэлирэнн наедине.

Знающая долго рассказывала о видениях, которые её мучают, и о том, что dhoine, прибывшие из-за моря на нескольких кораблях — не так-то и давно, если мыслить в масштабах истории — сыграют в грядущих кошмарах немалую роль. О том, что чувствует в происходящем сейчас отголосок будущей боли и разрушений, и о том, что её сердце и разум целиком на стороне тех, кто хотел бы этой боли не допустить. О том, что сделает всё возможное, чтобы им — и Аэлирэнн лично — посодействовать.

Солнечный луч, проникавший сквозь пластинки цветного стекла в стрельчатых окнах, рисовал на мраморном полу причудливые узоры. В клетке под потолком щебетала какая-то певчая птица. Вино отдавало во рту привкусом сушёных фруктов, а в голове — приятной тяжестью, но разговор этот, как и всё, что могло бы за ним последовать, был заранее обречён на провал. Если ты не пророчица, на плохие новости легко закрыть глаза.

— Ты ведь тоже думаешь, что я сумасшедшая? — после долгого молчания тихо спросила Итлина.

Аэлирэнн снова окинула её внимательным взглядом.

Нет. Я думаю, что сейчас тебе ужасно одиноко. Ты видишь будущее, от которого тебе больно, и ты хочешь кричать о нём на весь мир, думая, что тогда, быть может, оно не случится. Но никто не хочет тебя слушать — потому что никто не любит плохие новости.

Я тебя понимаю. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу прошлое. Прошлое — от которого больно мне.

И сделала вид, что вообще не слышала этот вопрос.

— У нас вообще хоть что-нибудь выйдет? Что говорит твоя магия?

Чародейка устало улыбнулась.

— Моя магия так не работает.

Аэлирэнн кивнула, снова наполнила опустевшие бокалы. Магия — вещь коварная.

— Но я всё-таки скажу тебе, — продолжила Итлина, — не как Знающая. Иногда мне кажется, что все мои предсказания — лишь плод разума, который меня подвёл. Что меня так называют из-за какой-то жестокой шутки. Только одно я знаю точно: у всего на свете есть своя цена. То, о чём ты мечтаешь, достойно и благородно, но смотри, как бы тебе не пришлось заплатить слишком много. Как мне.

Аэлирэнн усмехнулась. Почти жестоко.

— Я не Знающая. Я вообще мало что знаю. Но вот уж в чём я уверена — почти обо всём на свете можно сторговаться. А ещё — почти всё на свете можно украсть. Безо всякой цены.

— Если украсть что-нибудь — это всего лишь будет значить, что заплатит за тебя кто-то другой. И ты никогда не узнаешь, сколько — и кто, — вздохнула Итлина. — Может быть, кто-то, для кого ты такого вовсе не хочешь. Можно обокрасть лавочника, но судьбу не обманешь.

Аэлирэнн отставила свой бокал, встала с места и сделала два шага вперёд. Опустилась на колени — *плевать на манеры, плевать на скверную Старшую речь и залатанные сапоги* — и сжала её слегка дрожащую руку в своих ладонях. И сказала, почти касаясь губами тонкой и бледной, как бумага, кожи:

— Может, и не обманешь. Но ничто не мешает попытаться. И нет, раз уж ты спрашиваешь — я не считаю тебя сумасшедшей. Вовсе нет.

Может статься, что сама Аэлирэнн намного нужнее измученной чародейке, чем та — ей.

***

Спустя несколько дней и бессчётное число бесплодных переговоров, Итлина Аэгли аэп Аэвениен, чародейка, пророчица и Знающая, подарила Аэлирэнн на прощание белую розу из тех, которыми всегда славился Шаэрраведд. На удачу.

W imię rewolucji! (ОМП × 2, Гезрас и Аэлирэнн проходили мимо, (вероятно) джен, PG-13)

Chapter Notes

ОТП челлендж, день 14 — geeking out over something

Действующие лица — диверсант школы Кота: https://gwent.one/pl/card/202808, и диверсант Врихедд (ладно, пока не совсем Врихедд, но не суть): https://gwent.one/pl/card/202538

Волчиха — диалектное название (какой-то не до конца понятной) ягоды. Авторским произволом было решено, что в Ведьминлэнде так называют белладонну, ядовитое галлюциногенное растение.
Дожинки — восточно- и западнославянский праздник сбора урожая, отмечается в конце августа.
Согласовательный класс — альтернативное лингвистическое название для грамматической категории рода в тех языках, где "родов" больше трёх.

(A note for anyone who is reading this with an automatic translator: this chapter includes intense geeking out over russian linguistics, so the point of it and all the jokes that it contains might be unclear this way. Sorry for that)

Мятеж не может кончиться удачей, —
В противном случае его зовут иначе.

— Вот, остроухий, погляди.

Ведьмак Эгберт, прозванный за буйный характер Волчихой, сунул новенькую бомбу почти под нос своему товарищу. Луи, взломщик и диверсант, — точнее, звали его Финвар Луйгерн аэп кто-то-там, Волчиха забыл его полное имя ещё раньше, чем эльф успел до конца представиться — убрал падавшую на глаза прядь длинных каштановых волос и сощурился.

— Двимеритка, родимая, — объяснил ведьмак. — Если этот Беккер и заплатил какому чародею.

— Неплохо, — ответил Луи. — Спасибо. Терпеть не могу чародеев.

Эгберт чародеев тоже ненавидел. Если бы не Гезрас, все «коты» давно стали бы для них горкой неплохих таких трупов для вскрытия. Но Гезрас, храни его святой пророк

Лебеда, всегда находил способ всех выручить.

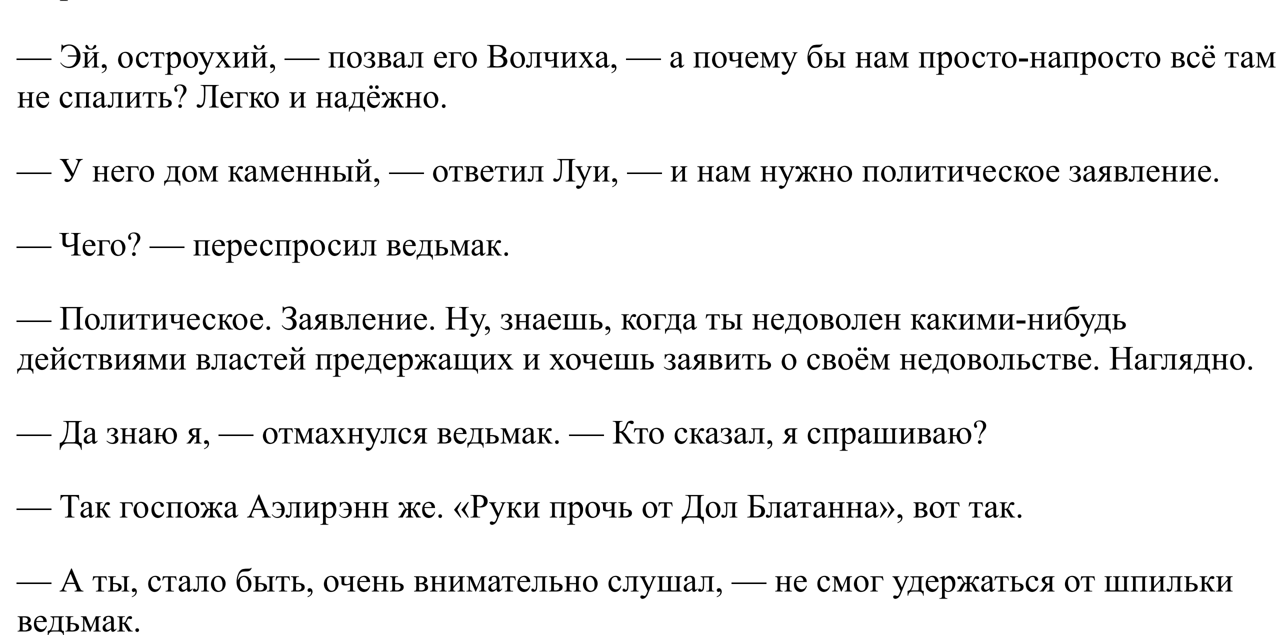
После побега из замка Стигга почти все они разбрелись кто куда, но договорились встретиться — через три года, а потом ещё через пять, перед Дожинками, на постоялом дворе «Рыжий кот» — это ж надо было придумать такое название, зато забыть точно не получилось бы — в Аэдирне. Волчиха, сказать по правде, мало на что рассчитывал, и тем больше была его радость, когда он остановился там во второй раз и встретил Геза, счастливого настолько, будто тот только что получил половину Северных Королевств и принцессу в придачу.

Что, вообще говоря, было не так уж далеко от правды. Оказалось, что Гезрас обещал горстке каких-то совсем уж отчаянных эльфов, что поможет им показать всем dhoine, чем кончается дискриминация Старших рас. Взамен эльфы дали ему какую-никакую работу, какой-никакой кров и смутное обещание, что когда-нибудь потом, с их помощью, «коты» станут нормальной ведьмачьей школой.

Гезрас всегда, ещё с тех пор, как они в замке Стигга прыгали с завязанными глазами по гребёнке и пытались понять, как лучше пережить особенно злобный укол, ненавидел всякого рода ксенофобию. А ещё, судя по его восторженным рассказам и горящим, прямо как после фисштеха, глазам, не на шутку запал на эльфку, командовавшую всей этой честной компанией.

Волчихе было, в принципе, всё равно. Сам он предпочитал не совать голову в пасть тем, кто может эту самую голову легко откусить, но деньги брал от кого угодно. С деньгами от людей — dhoine, то бишь, — нынче было плохо, а идея снова принадлежать к чему-то большему, а не просто шататься без цели по тракту, пришлась ему по душе. Да и эльфы оказались вполне ничего. Некоторые — ужасно высокомерными занудами, конечно, но в целом — ничего.

Как раз один из «в целом, ничего» и сидел сейчас напротив него в углу полупустого кожевенного склада и ковырялся в своих отмычках, инструментах, «кошках», верёвках и крюках.

— Эй, остроухий, — позвал его Волчиха, — а почему бы нам просто-напросто всё там не спалить? Легко и надёжно.

— У него дом каменный, — ответил Луи, — и нам нужно политическое заявление.

— Чего? — переспросил ведьмак.

— Политическое. Заявление. Ну, знаешь, когда ты недоволен какими-нибудь действиями властей предержащих и хочешь заявить о своём недовольстве. Наглядно.

— Да знаю я, — отмахнулся ведьмак. — Кто сказал, я спрашиваю?

— Так госпожа Аэлирэнн же. «Руки прочь от Дол Блатанна», вот так.

— А ты, стало быть, очень внимательно слушал, — не смог удержаться от шпильки ведьмак.

— Конечно. Я выполню любой её приказ, — совершенно невозмутимо ответил эльф. — Что и тебе советую.

Всех женщин, которых Эгберт когда-либо встречал, он привык делить на тех, с кем можно приятно провести время — нет, ничего предосудительного, разве что за кружкой пива или партией в каэдвенские нарды — и тех, с кем приходилось думать о последствиях. И хотя госпожа Аэлирэнн, несомненно, принадлежала ко вторым, почти все в их ганзе слушали каждое её слово, как офирские кобры, пляшущие на базаре под дудочку заклинателя. Удивительно, как в ком-то настолько маленьком и с виду хлипком может быть столько силы. Хотя ни сам Волчиха, ни Гезрас ведь тоже не отличались ни мощным телосложением, ни способностью голыми руками ломать кому-нибудь кости — и тем не менее, были живы и неплохо себя чувствовали, что уже можно было считать достижением.

Иногда ведьмак думал, не закончится ли вся история с этой эльфкой дурно, для Гезраса — прежде всего. Впрочем, всегда обрывал он себя, ворон ворону глаз не выклюет, а у Геза, как-никак, добрая половина эльфской крови.

— А скажи, остроухий, — продолжил дёргать своего товарища ведьмак, — почему революция — это она?

— Que? — теперь настала очередь эльфа удивляться.

— Ну, революция — она. Стало быть, женщина, — продолжил рассуждать Волчиха. — Как так выходит, не знаешь? Есть вот ещё мятеж. Но «мятеж» — это так, ерунда. Будто банда какая-то устроила. И мятеж — это он. А «революция» даже звучит красивее.

— Поправь меня, vatt'ghern, я всё-таки не в совершенстве знаю всеобщий язык. Но если мои знания меня всё же не подводят, «революция» есть понятие неодушевлённое. К тому же, ты забыл упомянуть слово «восстание».

— Зануда ты, остроухий, — пробурчал ведьмак. — Всю *кон-цеп-цию* мне обломал. И всё равно, я вот как считаю. Если мы, мужики, что-нибудь затеем, то оно, может, и не выгорит. А уж если всё так плохо, что за дело взялась женщина — всё тут. Пан или пропал.

— Я даже не знаю, — задумчиво ответил эльф. — Нравятся мне твои рассуждения или нет. Но госпоже Аэлирэнн тебе, пожалуй, лучше о своих концепциях не рассказывать. А ещё, — он выглянул в наполовину закрашенное окно склада, — уже достаточно темно. Пойдём, vatt'ghern, устроим небольшой несчастный случай.

***

Оказалось, что Аэлирэнн дала Луи ключ от ворот, ведущих на задний двор милсдаря Беккера. Где взяла — не сказала, зато теперь им не пришлось лишний раз возиться ни с отмычками, ни с ведьмачьими бомбами или знаком Аард, что намного громче и неприятнее. Оставалось только забраться в дом невезучего бургомистра через открытое окно, обезвредить магические защиты, если они там всё-таки нашлись бы, и прикончить самого Беккера.

Волчиха покрутил медальон, пытаясь найти хоть какие-нибудь остаточные следы магии. Луи примеривался к окну своей верёвкой с крюком.

— Я вот что думаю, — неожиданно сказал эльф. — Согласовательный класс, к которому относится слово, не так уж и сильно определяет наше к нему отношение. Однако разум склонен искать в мире корреляции и видеть связи. Оттого ты и попытался объяснить непривычное тебе понятие с помощью привычных.

— Да твою ж мать! — выругался ведьмак. — Скажи, что это на Старшей речи, прошу тебя. Потому что я ни слова не понял.

Луи только наполовину-довольно, наполовину-загадочно улыбнулся.

— Что нам делать с нашим политическим заявлением, как думаешь? — спросил. — Что лучше? Отрубленная голова?

— Кишки наружу, — не задумываясь ответил Волчиха, — и кошелёк в зубах.

— Неплохо, — кивнул эльф. — Всегда хотел посмотреть, что внутри у dhoine.

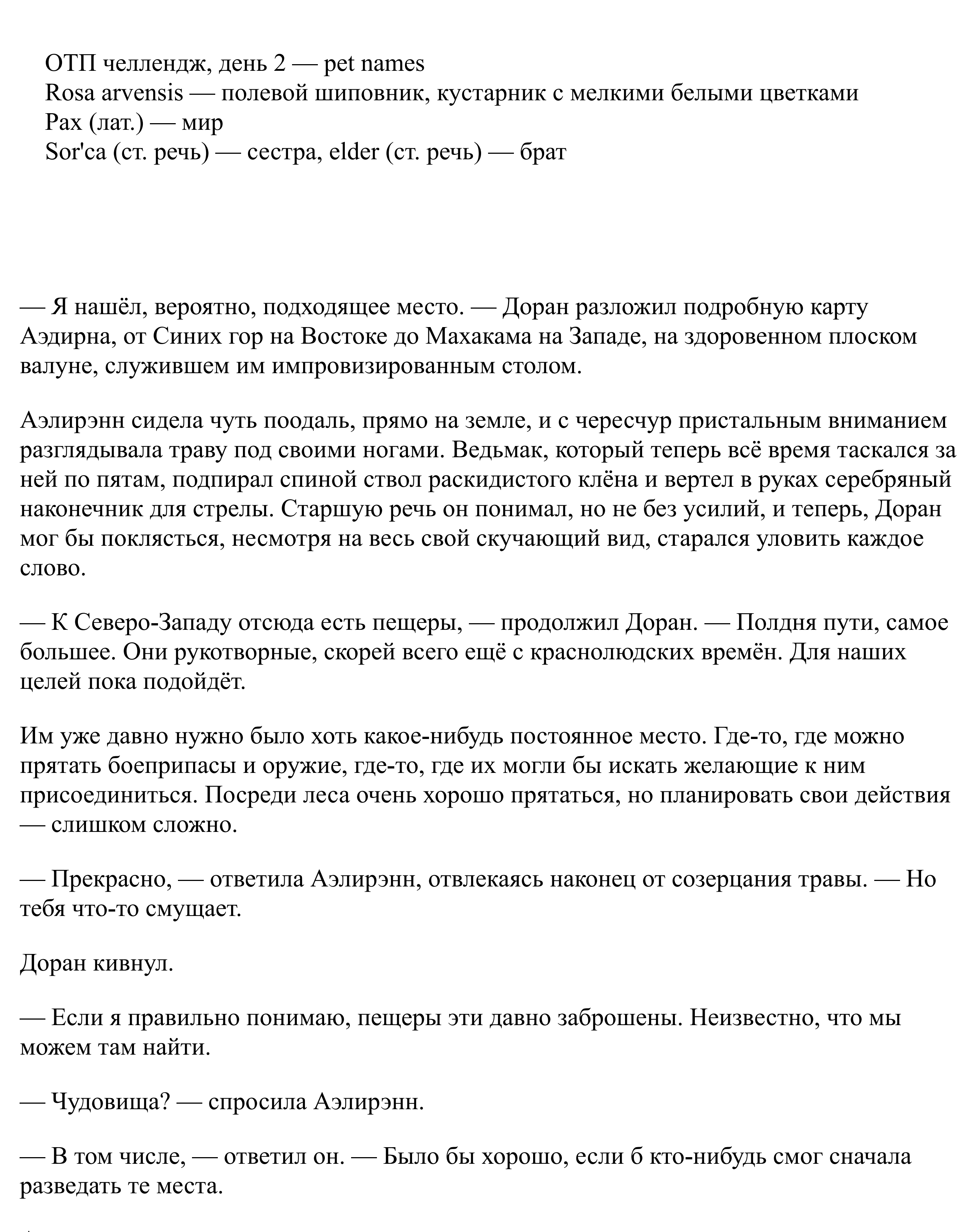
— Ты хоть понимаешь, насколько это непристойно звучит? — усмехнулся ведьмак.

— Разумеется, — ответил эльф, закидывая свою «кошку» и принимаясь лезть на стену.

А всё-таки, не таким уж и занудой он оказался.

Rosa arvensis (ОМП, Аэлирэнн / Гезрас из Лейды, гет, PG-13)

Chapter Notes

ОТП челлендж, день 2 — pet names
Rosa arvensis — полевой шиповник, кустарник с мелкими белыми цветками
Pax (лат.) — мир
Sor'ca (ст. речь) — сестра, elder (ст. речь) — брат

— Я нашёл, вероятно, подходящее место. — Доран разложил подробную карту Аэдирна, от Синих гор на Востоке до Махакама на Западе, на здоровенном плоском валуне, служившем им импровизированным столом.

Аэлирэнн сидела чуть поодаль, прямо на земле, и с чересчур пристальным вниманием разглядывала траву под своими ногами. Ведьмак, который теперь всё время таскался за ней по пятам, подпирал спиной ствол раскидистого клёна и вертел в руках серебряный наконечник для стрелы. Старшую речь он понимал, но не без усилий, и теперь, Доран мог бы поклясться, несмотря на весь свой скучающий вид, старался уловить каждое слово.

— К Северо-Западу отсюда есть пещеры, — продолжил Доран. — Полдня пути, самое большее. Они рукотворные, скорей всего ещё с краснолюдских времён. Для наших целей пока подойдёт.

Им уже давно нужно было хоть какое-нибудь постоянное место. Где-то, где можно прятать боеприпасы и оружие, где-то, где их могли бы искать желающие к ним присоединиться. Посреди леса очень хорошо прятаться, но планировать свои действия — слишком сложно.

— Прекрасно, — ответила Аэлирэнн, отвлекаясь наконец от созерцания травы. — Но тебя что-то смущает.

Доран кивнул.

— Если я правильно понимаю, пещеры эти давно заброшены. Неизвестно, что мы можем там найти.

— Чудовища? — спросила Аэлирэнн.

— В том числе, — ответил он. — Было бы хорошо, если б кто-нибудь смог сначала разведать те места.

Аэлирэнн поднялась со своего места, подошла к нему, взглянула на карту.

— Вот здесь? — она ткнула пальцем в карандашную отметку.

— Примерно. Ручаться не могу, но с точностью до пары миль — да.

— Уже неплохо. Скажи, котик, — обратилась она на всеобщем к молчавшему всё это время ведьмаку, — ты не мог бы нам что-нибудь такое организовать?

Доран поморщился. Прозвище, которое Аэлирэнн дала ведьмаку и которым всё время теперь звала его вместо имени, вызывало у него беспокойство. Как, впрочем, и сам ведьмак.

Доран мог бы назвать с десяток иррациональных причин, по которым Гезрас ему не нравился. Едва заметные нервные тики и вечная потребность хоть чем-нибудь занять руки. Жёлтые глаза с вертикальными зрачками, по которым было слишком трудно понять, куда тот смотрит. Шрам, пересекающий губы и оттого уродливо искажающий мимику — на всё это можно было закрыть глаза. Единственная рациональная причина — и единственная действительно важная — была намного серьёзней его, Дорана — да и чьего бы то ни было вообще — личного отношения. Промышляющий убийствами dhoine, который знает про них каждое «где», «зачем» и «когда» — это опасность для всех.

Гезрас убрал многострадальный наконечник куда-то в карман и тоже подошёл ближе. Аэлирэнн так и водила рукой над картой, пытаясь высчитать расстояние, и ведьмак — украдкой, как ему, видать, думалось — пожал её пальцы. Сощурил глаза, разглядывая отмеченное место, и зрачки его превратились в две вертикальные щели.

— Мог бы. Конечно.

— Нужна будет помощь? — спросила Аэлирэнн слегка обеспокоенно. — Может, мне пойти с тобой?

Ни в коем случае, — успел подумать Доран.

— Не надо, — ответил ведьмак. — Это и правда недалеко. Если я поеду прямо сейчас, то вернусь самое позднее завтра к вечеру.

Аэлирэнн — демонстративно, как и всё, что она делала — обняла его за шею.

— Спасибо, котик, — её пальцы легонько коснулись лица ведьмака, обхватили подбородок. — Только не лезь никуда, хорошо? Если там что-то и правда есть — сразу возвращайся.

— Как скажешь, — улыбнулся ведьмак.

Аэлирэнн поцеловала его, долго и неторопливо, и его скулы и кончики ушей — хотя ведьмаки и не должны, казалось бы, испытывать никаких эмоций — едва заметно покраснели.

Доран вздохнул и протёр глаза, саднившие после бессонной ночи над картами. Аэлирэнн едва ли могла выбрать менее подходящее время и менее подходящего

зрителя для такого спектакля.

***

Ни на следующий день, ни через день ведьмак, разумеется, не вернулся.

С самого утра Аэлирэнн не было нигде видно. Часовые, которым выпала ночная стража, её не встречали, Мэв, их охотница, лишь пожала плечами — за горячей водой и завтраком из общего котла Аэлирэнн тоже не приходила.

Через несколько часов, когда солнце уже перевалило за полдень, Доран нашёл её в полумиле от лагеря. Аэлирэнн сидела, вывернувшись в какой-то невероятной позе, на наклонившемся стволе поваленного дерева, и ожесточённо черкала что-то карандашом на оборотной стороне листа бумаги — одного, видимо, из многочисленных документов, которые люди Беккера везли с собой. Левая рука её была вся перепачкана в угольной пыли, а на земле валялись ещё с полдюжины скомканных бумажных листов.

Доран молча опустился рядом с ней на бревно.

Противоположности — как кто-нибудь, включая и самого Дорана, мог узнать, изучая науку о магнитных полях земного шара — притягиваются. Иногда он думал, что, сложись жизнь иначе, они с Аэлирэнн могли бы стать если не друзьями, то хотя бы хорошими приятелями. Но жизнь — как кто-нибудь мог узнать, изучая эволюцию и естественную историю — иначе никогда не складывается, и потому теперь они были союзниками, которые терпят друг друга ровно столько, сколько это нужно для дела. Трудно придумать для дружбы что-нибудь хуже, чем разные взгляды на общую цель.

— Ультиматум, — наконец нарушила молчание Аэлирэнн. — Для аэдирнских купцов и представителей королевской власти. Ты что-нибудь скажешь или и дальше будешь на меня многозначительно смотреть?

Доран пробежал взглядом выведенные мелким угловатым почерком буквы. На всеобщем, разумеется — на Старшей речи Аэлирэнн до сих пор писала с ошибками, а адресаты этого послания её и вовсе не знали.

«А иначе ни один тракт в тех королевствах, что вы зовёте Аэдирном и Каэдвеном, больше не будет для вас безопасен.»

— Я бы на твоём месте не стал угрожать им тем, что мы пока не в состоянии исполнить, — сказал Доран. Нужно же было хоть с чего-нибудь начать разговор.

— Почему не в состоянии? — спросила Аэлирэнн. — Говорят, после «инцидента» с транспортом Беккера купцы стали нанимать двойную охрану. Наш котик их здорово напугал.

Доран вздохнул и потёр пальцами глаза. Под веками проступили цветные узоры. Что ж, эту тему рано или поздно всё равно пришлось бы обсуждать.

— Нам стоит поговорить.

— Ну давай, говори, — раздражённо ответила она. — Ты ж меня в покое не оставишь.

— Я хочу знать, — проигнорировав её тон, начал Доран, — какие у тебя планы. Одно дело, если платишь dhoine за услугу, но совершенно другое…

— А я хочу, — перебила его Аэлирэнн, — чтобы ты вынул палку из задницы. И засунул туда что-нибудь другое, если вдруг тебе это поможет. Ничего, я не жадная.

Доран снова протёр глаза, с такой силой, будто бы он собирался вытащить их из орбит. Меньше всего на свете он хотел бы подобного разговора.

— Это не остроумно, — наконец ответил он. — И не смешно. Представь себе, как это выглядит.

— Как выглядит? Что выглядит?

— Сегодня ты говоришь всем этим мужчинам и женщинам, — Доран сделал абстрактный жест, призванный подчеркнуть слово «всем», — что мы боремся против dhoine и что иначе нам не выжить. А завтра — тащишь dhoine к себе в постель. Выглядит это, по меньшей мере, непоследовательно. А уж если говорить честно, то и вовсе лицемерно.

— Замечательно, — сквозь сжатые зубы ответила Аэлирэнн. — Только вот скажи, указывать, с кем мне спать — это не лицемерно? Или, может быть, это очень последовательно?

Доран вздохнул, с трудом задавил в себе желание снова поднять руку к глазам.

— Я не ханжа, sor'ca, я не собираюсь тобой командовать, и мне абсолютно всё равно, с кем ты спишь. Но иногда личное становится политическим. Точнее, в нашем с тобой случае, личное — это и есть политическое.

Аэлирэнн взглянула ему в глаза, и лицо её полыхало от злости и негодования.

— Ты знаешь, как я это ненавижу? Рассказывай вдохновляющие истории, рассказывай слёзные истории, пообещай всем равенство, свободу и золотые горы, выдумай себе пафосное прозвище, потому что Аэлирэнн из трущоб Венгерберга — никто и звать её никак. И самое последнее новшество — проведи свою жизнь в одиночестве, потому что символы революции не спят с мужчинами. И с женщинами, вероятно, тоже не спят.

— Я не говорю, что ты должна от всего отказываться, — продолжил Доран, хотя каждое слово теперь казалось ему лишним и неуместным и лишь добавляло желания двинуть самому себе в зубы. — Я лишь говорю, что нужно думать о последствиях. Сегодня нам всем всё равно, завтра кто-нибудь из наших товарищей скажет, что не желает иметь ничего общего с dhoine, и уйдёт. А послезавтра твоему ведьмаку кто-нибудь предложит намного больше денег, и это совсем не сложно, сколько угодно будет намного больше, чем ничего. И никто из нас не сможет быть уверен, что через три дня не наткнётся на аэдирнский военный отряд. Потому что твой ведьмак решил, что предать нас намного выгоднее, чем не делать этого.

— Браво, elder, прекрасная логика, — с видимым трудом подавляя желание сорваться на крик, сказала она. — Только не учитывает крохотную деталь — заплатить можно кому угодно. И тебе тоже. И даже мне. И хватит уже говорить, что Гезрас — dhoine, я тогда тоже ничем не лучше dhoine. Твои замечательные Знающие, похоже, так и считают.

— Пожалуйста, — сказал Доран, и звучало это совсем уж отвратительно, — не воспринимай это на свой счёт. Я тебя уважаю, но мы должны помнить, какая ответственность…

— И ради чего это всё? — продолжила Аэлирэнн. — Ради возможности жить нормально и не быть убитыми какими-нибудь ксенофобскими ублюдками, просто потому что им так захотелось? Итлинна мне говорила, что иногда цена слишком высока. Я вот теперь думаю, не была ли она права.

— Я понимаю, — всё более отчаянно и всё менее успешно пытался найти слова Доран. — Мне тоже тяжело так жить. Я тоже, быть может, хотел бы вернуться к себе в горы. Рисовать свои карты и чертежи и делать вид, что ничего на свете не поменялось. Может быть, на мой век даже хватило бы.

— На твой век, ага? Сколько тебе лет, напомни? — вспыхнула Аэлирэнн. — Тридцать пять? Сорок? Хватит делать вид, что ты живёшь дольше всех на свете и знаешь вообще всё! Возвращайся в свои горы, пожалуйста! А мне ты куда предлагаешь вернуться? В тюрьму или на виселицу? Или превратиться всё-таки в бездушного голема, которому ничего, кроме нашей славной революции, и не нужно?

Аэлирэнн выдохнула, будто все силы разом её покинули, и закрыла лицо ладонями. Доран с трудом справился с желанием проверить, не плачет ли она. Чувствовал он себя ужасным дураком. Кому, в самом деле, нужны все его слова и все его опасения, если заканчивается всё именно так.

— А знаешь, что хуже всего? — тихо сказала Аэлирэнн, едва слышно то ли вздохнув, то ли всхлипнув. — Я очень боюсь, что ты окажешься прав. И он вообще не вернётся, потому что нашёл кого-нибудь получше нас. И получше меня. Или вернётся, а потом в тех пещерах нас будет ждать полсотни солдат. Или что все твои грёбаные рассуждения уже вообще никому не сдались, потому что он полез в одиночку на сотню накеров и теперь лежит где-нибудь мёртвый.

Доран ободряюще сжал её плечо. Правильные слова, кажется, наконец-то нашлись.

— Или, что вероятней всего, я просто дурак, который возомнил себя чуть ли не Знающим, — ответил он. — И довёл нас обоих на ровном месте. Прости меня, sor'ca, забудь, что я сказал, и лучше вообще больше никогда меня не слушай. Завтра станет лучше. Или, может быть, не завтра, но лучше. А ведьмак твой вернётся. Я, на самом деле, почти уверен.

Аэлирэнн убрала руки от лица, посмотрела на него, нахмурившись.

— Лучше бы, конечно, — пробурчала она, — чтобы ты именно в этом оказался прав.

Лучше бы, — подумал Доран про себя, — *всем нам станет намного лучше, когда — и если — наступит это завтра. Когда все они наконец смогут жить так, как хотят жить, и любить тех, кого хотят любить.*

Он поднялся с бревна и протянул Аэлирэнн руку.

— Рах? Прости меня, пожалуйста, и не будем больше об этом. Пойдём, Мэв, кажется, поймала сегодня зайца. Я готов поспорить, что ты со вчерашнего дня ничего не ела.

Аэлирэнн приняла протянутую руку, легко, не опираясь на неё, вскочила на ноги.

— Рах. Прощаю и не будем, но я даже не знаю, что это значит.

— «Мир», — ответил Доран. — На этом языке иногда говорят человеческие чародеи.

— Сразу видно непримиримого врага dhoine и поборника расовой чистоты, — криво усмехнулась Аэлирэнн.

— Виноват, — развёл руками Доран. — Но у их чародеев правда есть чему поучиться. Они, по крайней мере, не сидят сложа руки, как умники из Шаэрраведда.

— Что правда, то правда, — ответила она. — И есть ужасно хочется. Рах, дружище.

***

Свист часовых они услышали ближе к ночи, и Аэлирэнн первая вскочила, чуть ли не бегом бросившись к тропинке. Ведьмак въехал на поляну у лагеря, шагом, не торопясь. Выглядел он измученным, был весь перепачкан кровью, а с лошади спешился с видимым трудом.

— Ты там как, котик? — спросила Аэлирэнн, прижимаясь к нему всем телом, не обращая никакого внимания на его перепачканную одежду. — Жив вообще?

— Это не моя кровь, — ответил ведьмак. — Там правда есть пещеры. Теперь в них, скорее всего, можно жить.

— Спасибо, — ещё крепче сжала его в объятиях Аэлирэнн.

Доран тоже взглянул ведьмаку в глаза и с благодарностью кивнул.

— Отпусти на секунду, — попросил Гезрас. — Пожалуйста?

Аэлирэнн, явно нехотя, разжала руки. Ведьмак повернулся к своей лошади, принялся рыться в седельной сумке. Потом, наконец, вытащил несколько срезанных веток, покрытых мелкими белыми цветами. Rosa arvensis, полевой шиповник, пахнущий мёдом и офирским базаром.

— Это тебе, — слегка смущённо сказал ведьмак. — Не садовые розы, конечно…

Аэлирэнн рассмеялась, звонко и весело.

— Котик, это что, месть? — спросила она. — За то, что мы тебя отправили на разведку? Или за то, как я тебя называю? Доран, как думаешь, наш vatt'ghern мне мстит?

Аэлирэнн, не переставая смеяться, уткнулась ведьмаку головой в плечо, а тот повернулся к Дорану с выражением крайней растерянности на лице.

Доран усмехнулся. Vatt'ghern, похоже, был не в курсе, что Аэлирэнн терпеть не может своё прозвище, потому что придумали они его, втроём, вместе с Итлиной, ради громкого звучания и большей убедительности, и не очень-то любит цветы.

— Всё в порядке, — сказал он ведьмаку. — Развлекайтесь.

Гезрас чуть расслабился, обнял Аэлирэнн в ответ и через несколько мгновений тоже тихо засмеялся.

Доран отвернулся и зашагал прочь, обратно к костру и лагерю. *Кто знает,* — думал он, — *может быть, завтра и правда станет лучше.*

Одна капля крови (Аэлирэнн, ОМП, джен, PG-13)

Chapter Notes

(с некоторой натяжкой) ОТП челлендж, день 6 — Making fun of one another

See the end of the chapter for more notes

Вода весь день и вот уже половину вечера нудно барабанила по крыше. Аэлирэнн подставила ведро под очередную прореху, которая грозила к утру превратить постоялый двор в сплошное болото, и продолжила мести земляной пол. Дожди, зарядившие после весеннего Эквинокция с неистовой силой, вот уже пару недель как превратили все дороги в сплошное скользкое месиво, и потому на этом постоялом дворе не было нынче ни одного постояльца. А после кошмарного — Аэлирэнн предпочла бы не вспоминать его больше — лета и голодной зимы почти не осталось у хозяев ни еды, ни зерна для скотины, ни денег.

Метла с мерзким звуком скребла пол, дождь всё стучал и стучал по гнилой соломе. Скрежет метлы, глухое шуршание соломы, да ещё иногда мышиный писк и потрескивание дров в печке — за добрых полгода, что Аэлирэнн здесь провела, этих звуки осточертели ей смертельно. Впрочем, хочешь жить — крутись, как можешь. Это единственное правило, которое стоит знать, если ты эльфка, и нет у тебя ни дома, ни гроша в кармане.

Аэлирэнн поставила метлу в угол, в который раз коснулась рукой шрама на шее. Туда, где верёвка содрала кожу, попала инфекция, рана воспалилась и страшно долго заживала, покрываясь мокнущими жёлтыми корочками. Шрам, который теперь, почти год спустя, остался на этом месте, будет с ней, должно быть, всю жизнь, и всю жизнь будет кричать, как ей повезло. Аэлирэнн всегда везло — хотя бы с того года, когда дожила она до своего двенадцатого Беллетэйна, и когда отца выловили из реки уже разбухшего от воды, а мать слегла с чахоткой и выкашляла из себя всю кровь. Аэлирэнн не заразилась, а людям, которые пришли собрать свою долю выручки, не получили её и потому запихнули отца в реку, было плевать на маленькую дочку кузнеца. Повезло ей и прошлым летом — из всех dhoine, убивавших и насиловавших тогда в Венгерберге, ей попались те, кто решил учинить над эльфкой «справедливый суд», а из всех верёвок на свете — ветхая и прогнившая, и оттого не выдержавшая даже её небольшого веса. Везло и сейчас — хозяин и хозяйка постоялого двора в пятнадцати милях от города согласились взять к себе служанку, чтобы мела полы и мыла посуду за еду и набитый соломой тюфяк, и закрыли глаза на её острые уши и мелкие зубы.

***

Она не сразу услышала, что в дверь кто-то бьёт кулаком.

— Чего там? — милсдарь Вуйчик, хозяин постоялого двора, обрюзгший dhoine с красным от бесконечного пьянства носом, тяжело спускался по лестнице со второго этажа. — Чего стоишь, клуша?

— Сами велели не открывать, — ответила Аэлирэнн. Наверняка он потом решит, что это повод как следует поскандалить, только вот ни из одного скандал этот dhoine ещё не вышел победителем.

Дверь скрипнула, открывшись ровно на длину цепочки.

— Чего надо? — не слишком вежливо буркнул милсдарь Вуйчик.

— Я бы хотел у вас переночевать, — ответили ему. — И коня накормить бы не помешало. Я не могу ехать дальше под таким дождём.

— Местов нету. Занято.

— Как это «нет мест»? — не отступал путник. — Здесь же вокруг никого нет.

— Занято всё. Уж поезжайте как-нибудь, — ответил милсдарь Вуйчик. Дверь снова натужно скрипнула, послышался лязг засова. — Тьфу, ходят тут. А ты мети давай.

Аэлирэнн ничего не ответила, только покачала головой и снова взялась за метлу. Путник, стучавшийся в дверь, говорил на всеобщем языке почти безупречно, и тем не менее по его еле слышному акценту было ясно, что выучил он этот язык совсем не в детстве. Милсдарь Вуйчик в таких тонкостях вряд ли разбирался, да только он-то видел его лицо. Неизвестно, боялся он больше, думал, что его обманут или решил, что два эльфа под одной крышей, пусть и совершенно друг с другом незнакомые, обязательно устроят что-нибудь богопротивное. Не очень-то, впрочем, Аэлирэнн и хотела это знать.

***

Через час ни грязь на полу, ни дождь не закончились, зато милсдарь Вуйчик присоединился в спальне к своей жене и теперь храпел так оглушительно, что и внизу было прекрасно слышно.

Аэлирэнн накинула здоровенную, в три раза её больше, драную куртку, зажгла фонарь — милсдарь Вуйчик привёз ещё в хрен знает какие незапамятные времена с ярмарки в Каэдвене — сняла с крючка над дверью ключ от сарая и вышла во двор. Дождь так и лил, фонарь светил лишь для виду, и потому разглядеть хоть что-нибудь дальше пяти шагов было задачей почти непосильной.

— Эй! — крикнула Аэлирэнн в темноту. — Cad esseath? Caemm as'seo!

Ей никто не ответил. Если тот путник всё-таки уехал дальше или вообще её не понял — и она, значит, ошиблась — ну и чёрт с ним, пусть катится на все четыре стороны. Аэлирэнн уже решила было идти назад, в тепло и под крышу, когда увидела наконец какое-то движение. Через пару минут из-за угла показалась долговязая фигура — будь жив мелкий Бран, он бы наверняка окрестил её обладателя каким-нибудь смешным

словом, «*орясиной*», например — в промокшем плаще с капюшоном. В поводу путник вёл такого же высоченного, в добрых восемнадцать ладоней, верхового коня.

— Esseath aen Seidhe, — с неподдельным удивлением констатировал незнакомец очевидный, бесспорный и непоколебимый факт.

— Да ты, я гляжу, фельдмаршал Очевидность, — ответила Аэлирэнн и махнула ему рукой. — Пойдём.

Она, не оглядываясь — всё равно ничего не увидишь — прошла через весь двор к сараю. Милсдарь Вуйчик хранил в нём целую кучу всякого ненужного барахла, и шансов, что ему среди ночи что-нибудь там понадобится, не было никаких.

— Вот, — сказала Аэлирэнн, когда ржавый замок со стоном открылся. — Своих в беде не бросаем. Заходи, лошадь свою где-нибудь во дворе можешь привязать.

Насчёт того, насколько «свой» этот Seidhe, у неё были большие сомнения, но оставлять его мокнуть на улице или ехать по такой погоде через лес ей всё же не хотелось.

— Meas? — ответил незнакомец. Аэлирэнн усмехнулась — был он, явно, всё ещё очень удивлён.

— Делай тут, что хочешь. Есть нечего, выпить тоже нет, сено бери, сколько найдёшь. Только к утру чтобы тебя тут не было.

Так он и сделал — привязал коня чуть дальше, у колодца, снял с него седло, кинул охапку сена — и потом только сам зашёл в сарай.

Аэлирэнн повесила фонарь над дверью, села тут же, на перевёрнутый ящик у входа.

— Плащ бы хоть снял, — сказала она незадачливому путнику. — Насквозь промок, наверное.

Незнакомец стянул с головы капюшон, скинул с плеч тяжёлую насквозь мокрую ткань, и Аэлирэнн смогла наконец его рассмотреть. Были у него серые, прямо такого цвета, как булыжная мостовая в Венгерберге, глаза и длинные, ниже лопаток, каштановые волосы. Лицо не уродовали ни шрамы, ни синяки, был он под плащом одет в вышитую серебряной нитью шёлковую рубашку, и красив был ровно так, как полагается свободным эльфам из Синих гор. Аэлирэнн даже задумалась, не зря ли она взялась ему помочь. Нет, «своим» этот Seidhe ей точно не был, да и, если взглянуть правде в глаза, таких, как она, скорее всего презирал.

Взгляд серых, как булыжная мостовая в Венгерберге, глаз тоже скользнул по её лицу, задержался на правой его стороне, потом немного ниже — на шее. Аэлирэнн, должно быть, теперь тоже оценили и признали совершенно не своей.

И всё же, он не сказал ей ни слова, только тяжело опустился прямо на пол, у стены напротив, и устало прикрыл глаза.

— Как тебя вообще сюда занесло? — спросила Аэлирэнн. — Не сиделось в Дол Блатанна? Или жизнь надоела?

— Нельзя сидеть за столом, как ни в чём не бывало, и пить вино, когда твой дом горит, — спокойно, не обращая никакого внимания на издёвку, ответил ей путник.

Аэлирэнн рассмеялась. В голос, так, что через несколько мгновений на глазах выступили слёзы и стало колоть в животе. Это было, пожалуй, самое смешное из того, что она в последнее время слышала. Эльфы из Дол Блатанна только и делали, что сидели посреди полыхающего пожара, старательно изображая, что ничего из ряда вон выходящего вовсе не случилось.

— А ты, стало быть, много знаешь про горящие дома? — немного отдышавшись, спросила она.

— Больше, чем хотел бы. И меньше, чем должен.

Аэлирэнн презрительно фыркнула — нашёлся страдалец. Каторжник висельнику жалуется, что спина у него болит. Но не гнать же теперь обратно на улицу, в самом деле.

Она пошарила в карманах, достала свёрток с остатками табака, скрутила самокрутку, прикурила от едва тлеющего фонаря, потом, задумавшись, протянула ему.

— Куришь?

— Да. Спасибо.

Будет кашлять или морщиться от той дряни, которую она привыкла курить — загадала Аэлирэнн — точно нужно будет гнать его ко всем чертям. Seidhe, однако, не закашлялся, не скривился и вообще никак не изменился в лице, и потому Аэлирэнн решила не торопиться с суждениями и принялась за вторую самокрутку — для себя.

Серые глаза незнакомца опять пристально разглядывали её лицо.

— Что с тобой случилось?

Это он, видно, спрашивал про шрам и успевший пожелтеть фингал под правым глазом. С неделю назад милсдарь Вуйчик опять вусмерть напился и к ней полез. Аэлирэнн всегда носила в каждом сапоге по ножу, и прекрасно знала, как ими пользоваться, поэтому у пьяного dhoine не было никаких шансов, но вот от кулака увернуться не получилось. Впрочем, не впервой ей ходить с разбитым лицом.

Положа руку на сердце, у Аэлирэнн не было в постели особенных принципов. Хочешь жить — крутись как можешь, поэтому, будь на месте пьяного dhoine кто-нибудь другой, Коршун, например, или малышка Мири, она не то чтобы согласилась — предложила бы первой. Вот только Коршун был, как и она, эльфом, и знал в Венгерберге каждого скупщика краденого, а малышка Мири, хоть и полукровка, была очень хороша собой и никогда не скупилась на подарки. А ещё — Коршун был мёртв, потому что ему повезло

меньше, и получил он меч в живот, а не гнилую верёвку, а Мири вспомнила, что «*полуэльфка*» значит ещё и «*полу-dhoine*», и что выбирать всегда следует тех, кто сильнее.

— Как ты сюда попала? — её собеседник не стал ждать ответа не прошлый вопрос. Или не об этом вовсе спрашивал, не «*кто разбил тебе лицо*», а «*как ты, Seidhe, докатилась до такой жизни*».

Не сидел бы, сколько ему там лет, тридцать, сто тридцать, в своих горах — знал бы ответ заранее.

— Я-то, как раз, — зло усмехнулась Аэлирэнн, — всё на свете знаю про горящие дома.

— Прости, — эльф вздрогнул так, будто его ударили. — Не следовало спрашивать.

— Ага, — ответила она.

Сарай был крыт всё той же гнилой соломой, дождь и не думал заканчиваться — до тех пор, видимо, как не закончится вся вода в Аэдирне, Каэдвене и Синих горах. Трудно под такой звук не заснуть, вот и её собеседник теперь с трудом держал глаза открытыми.

— Как тебя называть? — всё-таки поборов усталость, спросил он.

Аэлирэнн с минуту даже думала, не ответить ли ему «*никак*». Так, никто, не имеющая значения минус единица в грамоте у сборщика налогов, который будет этой весной считать, на сколько уменьшилось население города Венгерберга.

— Аэлирэнн. Так и называй, если очень нужно.

— Красивое имя, — сказал эльф. Хотел было ещё что-то добавить, но не стал.

Аэлирэнн скривилась. Вот этого ей только не хватало. Seidhe из Дол Блатанна — это, конечно, не пьяный милсдарь Вуйчик, но от него Аэлирэнн тоже предпочла бы держаться подальше.

— Имя красивое, да лицо кривое. Лучше сказал бы сразу, к чему ты клонишь.

— Ни к чему, — вздохнул он. — Только к тому, что я сказал.

Интересно, — задумалась Аэлирэнн, — по мужикам он, или это просто она ему так не нравится. Второе, скорее всего. Или он в рыцаря в белых доспехах решил поиграть. Будь каждый, кто воображает себя рыцарем, действительно таковым — все на свете только бы и делали, что клялись цаплей.

— Ты что вообще задумал? Чего хочешь?

Её собеседник оживился, будто ещё пять минут назад не боролся так отчаянно со сном.

— Я считаю, что всё, что происходит — неправильно и несправедливо. Сначала мы позволили загнать себя в горы, как каких-то диких животных. Теперь мы всё ждём, и ждём, и думаем, что dhoine как-нибудь сами собой исчезнут. Или что в один прекрасный день им придёт в голову жить с нами в мире. Или что найдётся где-нибудь Старшая кровь, которой, может быть, и вовсе даже не существует, и этот мир нам будет ни к чему. Только вот сегодня они убивают тех, кто живёт в городах, ты метёшь пол у dhoine, который тебя бьёт, а мы делаем вид, что ничего не знаем. А завтра они придут в Дол Блатанна и сожгут там всё дотла, и тогда ждать будет уже нечего.

Будь эти слова написаны на бумаге, Аэлирэнн бы кровью подписалась под каждым из них. Ей давно не давали покоя мысли, чем всё обернулось бы, задумывайся она и её товарищи чуть чаще, как заканчивается жизнь среди dhoine. Но она не хотела ни показывать свою слабость, ни говорить, как много сама думала о подобном, и потому просто пожала плечами, забрала фонарь и вышла на улицу, бросив напоследок:

— Чтобы с утра тебя тут не было.

***

Конь, привязанный у колодца, поднял голову и шумно втянул воздух, раздувая ноздри. Был он, видно, обучен не терпеть незнакомцев. Один из тех коней, привезённых с Юга, что в бою дерутся насмерть вместе со своими хозяевами, разок подстёгнутые плёткой скачут до тех пор, пока у них не разорвётся сердце, и стоят целое состояние.

Аэлирэнн пошарила в карманах своей мешковатой куртки, достала отколотый кусок сахара с кухни.

— Худо тебе, а, лошадка? — спросила она, протягивая коню угощение.

Тот снова втянул воздух, обнюхал её руку и прижал уши к голове, обнажив зубы. Аэлирэнн усмехнулась. Конь, похоже, обладал таким же упорством и такой же способностью гнуть свою линию, что и его хозяин. Хорошая животинка, ничего не скажешь.

Аэлирэнн помнила клячу Гершля-могильщика, такую же вороную, с белой проточиной. Была она похожа на скелет и еле ковыляла, когда Гершль-могильщик загружал трупы у морга и, сначала собрав все цепочки, серьги и колечки, вёз на кладбище. Только вот этот конь с Юга сломает ногу в непролазной грязи или помрёт от голода, стоя на поле боя над мёртвым хозяином, а кляча могильщика ковыляла от морга до кладбища и когда Аэлирэнн было двенадцать, и на телеге везли её маму, и когда ей было двадцать пять, и за телегой пришлось цеплять вторую, чтобы увезти на кладбище сразу всех.

Подбитый глаз защипало. Аэлирэнн подняла руку к лицу, и пальцы её были мокрыми — наверное, от так и не думавшего заканчиваться дождя.

***

Проснулась она перед рассветом — привычка спать некрепко, с готовностью всегда подскочить на ноги, редко её подводила. Милсдарь Вуйчик так и храпел в блаженном

неведении, а во дворе эльф, снова натянувший не высохший за ночь плащ, уже седлал своего здоровенного коня. Вчерашний ливень превратился в морось, и теперь всё вокруг было мутным от водяной взвеси.

— Как ты и просила, Аэлирэнн, — сказал эльф, — ещё пять минут, и меня здесь не будет. Спасибо тебе.

— А тебя-то как звать? — спросила она.

— Доран аэп Фелеаорн.

Аэлирэнн присвистнула. Не король Дол Блатанна, конечно, но совсем рядышком.

— Ты мне, в общем-то, не нравишься, Доран аэп Фелеаорн, — начала она.

— Я знаю, — улыбнулся Доран. Весело и искренне, так, как будто она только что очень смешно пошутила. — Но не буду лгать, утверждая, что это взаимно.

Аэлирэнн было всё равно, что это вообще может значить.

— Но будешь получше вот этого, — она указала рукой на постоялый двор. — И ты говоришь ровно то, о чём я давно уже думаю.

Доран посмотрел на неё, наполовину удивлённо, наполовину выжидающе — что ещё она скажет.

— Эта штуковина тебе для дела? Или для виду? — спросила Аэлирэнн, указав на притороченный к седлу меч.

— Для дела, — ответил Доран. — По крайней мере, я на это надеюсь.

— Отлично. Надо же с чего-нибудь начинать. Буду звать — поможешь, — сказала она, вынимая один из ножей из голенища сапога. — Вместо платы за ночлег.

— Конечно, — ответил Доран. — Всё, что попросишь.

И, к своей чести, не сказал ни слова и даже не поморщился, когда наблюдал за всем, что последовало. Ни когда Аэлирэнн снова вышла во двор, вытирая нож от крови милсдаря Вуйчика, ни когда она принесла из сарая банку извёстки и нарисовала на воротах перечёркнутую окружность — символ, который в венгербергских трущобах означал, что в доме живёт тот, кому осталось на бренной земле очень мало.

Chapter End Notes

Cad esseath? Caemm as’seo! — Ты где? Иди сюда!
Ладонь — 4 дюйма, европейская единица измерения для роста лошадей. 18 ладоней — это чуть больше 180 см в холке.

Esseath aen Seidhe. — Ты эльфка.
Meas. — Спасибо.

И шли по песку верблюды (Аэлирэнн / Гезрас из Лейды, гет, R)

Chapter Notes

ОТП челлендж, день 8 — Sleeping in

Солнечный луч, проникший сквозь прореху в ткани палатки, бил прямо в лицо. Гезрас прикрыл глаза и слегка поежился — ночь выдалась для начала лета прохладная. Впрочем, дело, быть может, было ещё и в лёгком похмелье — хотя он-то уж точно отделался меньшей кровью, чем все остальные — и едва начавшей заживать ране от когтей у него на спине. А ещё, разумеется, в том, что Аэлирэнн среди ночи утащила его одеяло и теперь спала рядом, свернувшись клубочком и укрывшись с головой.

Гезрас успел понять, что его эльфка — так он, по крайней мере, любил про себя думать — мгновенно просыпается от малейшего шороха, хотя и может уснуть в любом месте, в любой позе и под какие угодно звуки. Потому вот уже пару часов он лежал, стараясь не шевелиться, и думал о доброй сотне разных вещей одновременно. Одна мысль сменялась другой, так и не задержавшись в голове, другая бегала по кругу, третья тянула за собой первую. Гезрас этому потоку не сопротивлялся — просто лежал, слушая шелест листьев и чириканье птиц снаружи.

Рана заживала скверно, но обработать и зашить самому себе плечо — дело слишком уж сложное. Может, стоит и попросить кого о помощи. С Дораном нельзя играть в «я никогда не» — почти все они вчера выдали какие-нибудь свои секреты и напились вхлам — как будто до этого не были — а он остался трезвее всех и так и не рассказал о себе ничего хоть сколько-нибудь интересного. Фисштех вставляет похуже Чёрной чайки, а ещё после него хочется чихать. Завтра, самое позднее — послезавтра надо будет обязательно проверить, все ли бандиты в окрестностях отправились кормить рыб в реку. Накеров тоже надо проверить, вдруг с той стороны пещер остались ещё гнёзда. Может, слишком рано они празднуют, что появился у них хоть какой-то дом. Спать в пещере мерзко, потому что она слишком сильно напоминает подвал. В конце лета надо съездить в Аэдирн — хочется надеяться, что кто-нибудь из товарищей ещё жив и помнит об их уговоре. Нужно рассказать Аэлирэнн. Может быть, она что-нибудь им предложит. Когда она спит, свернувшись у его бока, ему так хорошо, что можно хоть вечно терпеть и холод, и затёкшие мышцы. Хочется обнять её и зарыться лицом в её волосы — только она ведь сразу проснётся.

***

Над лагерем раздался резкий звон металла о металл. Мэв, должно быть, давно встала и теперь стучала котелками друг о друга, чтобы разбудить всех «бездельников». Была она

женщиной суровой, браконьерствовала в каэдвенских лесах ещё тогда, когда никого из них не было на свете, руки её были сплошь покрыты татуировками, и беспорядка она не терпела.

Аэлирэнн вздрогнула, высунула голову из-под одеяла и протёрла глаза.

— Ух, холера, — пробурчала она.

— Доброе утро, — улыбнулся Гезрас.

— Да какое там… Сколько сейчас времени?

Гезрас сел, подтянув колени к груди, чуть отодвинул ткань палатки у входа и выглянул наружу.

— Скоро полдень.

— Кошмар, — ответила Аэлирэнн. — Как думаешь, котик, сколько мы вообще вчера выпили?

Гезрасу нравилось, когда она так его называла. Как будто он был её, так же, как она — его.

— До махакамского спирта? Или после? Я и сам уже не вспомню.

Было у них, совершенно точно, какое-то чудовищное вино, купленное за несколько медяков за бочонок и оставлявшее на кружках, пальцах и губах чернильные пятна, самогонка, которую взломщик Луи украл у неизвестного dhoine-торговца, немного чистого спирта — тот, вообще-то, должен был пойти на эликсиры — а ещё фисштех и какая-то мерзко-сладко пахнущая трава, которую следовало курить. Удивительно, как им вообще удалось всё это выдержать.

— А ты почему такой весёлый? — спросила Аэлирэнн.

— Я ведьмак, — пожал плечами Гезрас. — Давно пью всякую дрянь.

А ещё, — подумал он, — *я проснулся рядом с тобой, и уже это одно делает любой день в тысячу раз лучше.*

— Поганец ты, а не ведьмак, — засмеялась Аэлирэнн. — А у меня сейчас башка треснет.

— Помочь? — спросил он.

— Это как же? Предложишь мне выпить какой-нибудь своей ведьмачьей гадости, которая отменяет всю предыдущую гадость?

— Нет, ты чего, — покачал головой Гезрас. — От эликсиров и умереть можно. Если ты не ведьмак, конечно.

— А тогда как?

— Вот смотри, — Гезрас указал на уголок своего глаза. — Здесь у тебя есть мышца, совсем маленькая. Если она напрягается — будет болеть вся голова. Если её размять — должно стать полегче. И здесь, — он положил руку на основание черепа, — то же самое.

Несколько минут Аэлирэнн сосредоточенно пыталась повторить всё то, что он показал.

— Помогает? — спросил Гезрас, когда она закончила.

— Ну, всё ещё болит. Но поменьше, — она подвинулась чуть ближе и поцеловала его в щёку. — Спасибо, котик, уж не думала, что ты и такое умеешь.

— Эй, ваттгерн! — прокричали издалека слегка охрипшим голосом. Мэв теперь добралась и до них. — Ты-то чего спишь, тебе же не так и плохо было? Ты Аэлирэнн не видел?

Гезрас начал было говорить, что ещё пять минут, и они встанут, чтобы присоединиться к остальным и обсудить, какие у них всех дальше планы. Но не успел сказать ни слова — Аэлирэнн приложила палец к его губам и еле слышно прошептала ему на ухо:

— Не видел. Ты вообще не знаешь, где я.

— Не видел! — крикнул в ответ Гезрас, когда её пальцы оторвались наконец от его губ и вместо этого двинулись от скулы к уху. — Со вчера ещё.

— Ну и где она тогда? — не унималась Мэв.

— Понятия не имею. У кого-нибудь ещё спроси.

В ответ раздался только треск веток да пара ругательств на Старшей речи. Охотница, кажется, ни на грош ему не поверила.

Ладонь Аэлирэнн всё гладила его по щеке. Гезрас, немного подумав, взял её за руку. Поцеловал кончики пальцев — как если бы она была какой-нибудь чародейкой — а потом легонько прихватил зубами тонкую кожу на запястье.

— Эй! — притворно возмутилась Аэлирэнн. Потом не выдержала и всё-таки засмеялась, ткнув его другой рукой между рёбер. — Я вообще-то хотела спать дальше.

— Как же так, — усмехнулся Гезрас. Погладил её по спине, пересчитав пальцами выступающие под рубашкой позвонки. — Кажется, ты кому-то очень сильно понадобилась.

— А ты вот вообще не помогаешь ни тому, ни другому, — ответила она, оседлав его бёдра и принимаясь возиться с пряжкой штанов.

— Я не помогаю? — теперь пришёл черёд Гезраса изображать крайнее возмущение. — Это ведь меня Мэв потом с потрохами сожрёт.

— Вот сейчас и проверим, помогаешь или нет, — ответила Аэлирэнн, пихнув его в плечо — хорошо, что в здоровое, отвлекаться на ноющую боль в ране он не собирался — и заставляя лечь на спину. Потом стянула через голову свою рубашку, не потрудившись расстегнуть пуговицы, и положила руку ему на грудь. — Только даже не думай кусаться. Будешь кусаться — я сама тебя покусаю.

Гезрас расслабился, прикрыв глаза, и провёл рукой вверх по её бедру. Поспать, в конце концов, можно будет и как-нибудь в другой раз.

Не время собирать камни (Аэлирэнн / Гезрас из Лейды, гет, R)

Chapter Summary

ОТП челлендж (помните такой?), день 28 — Falling in love

Ветер поднял и закружил в воздухе ворох сухих листьев, швырнул пригоршню пыли ей в лицо, завыл где-то в печных трубах домов.

– Вы не знаете, кто я? – спросила Аэлирэнн.

— Три тысячи каэдвенских марок — мёртвой, — ответил один из охотников за головами – видно, он был у этой ганзы за главного – поигрывая шипастой дубинкой. — И пять — живой. Выгодней живой, разумеется, но мёртвой всё-таки надёжнее.

Конечно, это была ловушка. Ни одно предложение, включающее в себя «приходи одна, после полуночи», не могло не быть ловушкой. Но её любопытство — тщательное прикрытое словами «это может быть нам полезно» — всё же взяло верх.

– Неправильный ответ, – нужно было только ещё немного потянуть время.

Аэлирэнн прислушалась – хотя она всё равно не услышала бы шагов. Её ведьмак умел быть по-настоящему скрытным.

– Но, если честно, и вопрос-то был неправильный. Правильный вопрос – как вы, голубчики, отсюда выберетесь.

– Ты-то? – ухмыльнулся второй, оглядев её с ног до головы. Под рубашкой кольчуга, на голове пехотный шлем – похоже, городской стражник решил подзаработать. – И пугать нас вздумала?

– Живой-то пять тысяч, – добавил тот, что с дубинкой. – Сдавайся, эльфка, не дуркуй. Мы люди деловые.

Третий – смуглый, высокий и жилистый, лицо в оспинах, под глазом шрам – молча выхватил меч и повернулся спиной к остальным. Самый, стало быть, умный. Самый опасный.

Деревянный дом в конце проулка застонал от нового порыва ветра. Ведьмак – бесшумно, как всамделишный кот – спрыгнул с крыши за спиной у ганзы охотников.

– Никак, – сама ответила на свой вопрос Аэлирэнн. Меч лёг ей руку, будто, как живой, уже ждал – не мог дождаться крови. – Раньше надо было думать.

***

Удар, финт, пируэт, уйти вправо, блок, снова удар. Неудачливый стражник вопил в стороне, пока шлем плавился у него на голове – котик не упустил шанса применить свой любимый ведьмачий знак.

Удар, финт, подсечь сухожилия – уловка уличной крысы. Грязно, но действенно.

Мерзкий звон металла о металла взорвался в ушах. По левой руке, выворачивая пальцы, выбивая запястье, и выше – в плечо, а потом и вовсе куда-то внутрь – разлилась боль. Смуглый и жилистый охотник за головами оказался чертовски хорошим фехтовальщиком.

Неожиданно тяжёлый кулак ударил её в грудь, сразу выбив весь воздух. Холодная сталь коснулась горла – там, где его раньше не взяла верёвка. Её противник так и не сказал ни слова. Чёрные, будто состоящие из одних зрачков глаза не выражали ровным счётом ничего. Аэлирэнн выдохнула, собираясь с силами. Не тогда ей было умирать – и точно не сегодня.

Дубинка главаря ганзы упала в пыль – вместе с отрубленной ведьмачьим мечом рукой. Гезрас обернулся – и в два удара сердца оказался у жилистого за спиной. Тот обернуться не успел.

Хоть кого-нибудь из ганзы, конечно, не помешало бы на время оставить в живых. Расспросить, кто их нанял. Отправить рассказывать, что случается с теми, кто решит перейти дорогу восстанию aen Seidhe.

Гезрас посмотрел ей в глаза. Аэлирэнн коротко кивнула. Стальной меч вонзился жилистому в основание черепа, и на лицо ей хлынула горячая кровь.

***

В тупике, у стены дома, громоздилась груда ящиков. Аэлирэнн швырнула куда-то в сторону свой меч, тяжело опустилась на них сама. Лицо щипало от начавшей запекаться чужой крови.

– Ты в порядке? – спросил Гезрас.

Аэлирэнн потерла пальцами начинающее опухать запястье.

– Рука болит.

– А потому что надо делать, как я сказал, – она слышала, как ведьмак опять закипает, словно не понимая, злиться ему больше или переживать за неё, – И не лезть в драку, когда не надо.

Аэлирэнн посмотрела на него снизу вверх, заглядывая в лицо. Кожа была бледной, почти белой, исчерченной багровыми венами. Завтра у него от всех принятых эликсиров будет ужасно болеть голова. А она – вряд ли сможет хотя бы пошевелить левой рукой.

Но сегодня – она одним резким движением цапнула его за пряжку ремня, притянула к себе и поцеловала.

– Ты чего? – спросил Гезрас растерянно.

Она засмеялась – ведьмак чуть не потерял равновесие и теперь опирался руками о стену позади неё, балансируя на носках.

– Я хочу тебя.

– Прямо сейчас? Прямо здесь? – продолжил недоумевать ведьмак.

– Нет, через десять лет и в Синих Горах, – не отступала она. – Конечно, здесь и сейчас.

С минуту у него было такое лицо, будто ещё чуть-чуть, и он, покрутив пальцем у виска, скажет ей *нет* . А потом – он оттолкнулся ладонями от стены, снова становясь на ноги, промурчал едва слышно:

– Ну, уж что-нибудь придумаем, — и опустился перед ней на колени.

***

– Котик, я… – слова застряли где-то в гортани, а язык перестал ворочаться, будто превратился в кусок камня.

Ведьмак смотрел на неё, слегка наклонив голову, кривовато — как и всегда — улыбаясь, и явно не собирался помогать ей закончить фразу.

Да и что она, в самом деле, собиралась сказать? *Я рада, что всегда могу на тебя положиться? Я тебе благодарна? Я люблю тебя?*

Как глупо говорить такое, если пять минут назад ты, едва сдерживая крики и стоны, кончила, завтра у тебя будет ужасно болеть рука, а сейчас ты сидишь без штанов на груде хлипких ящиков в окружении трёх трупов и криво улыбающегося ведьмака. Слишком неуместно. Слишком сентиментально. *A d'yeabl aep arse.*

Аэлирэнн собралась было встать и одеться, когда ведьмак наконец прервал повисшее молчание.

– Я бы, на твоём месте, не двигался.

– Что? — звучало это так неожиданно, что она, на всякий случай, действительно замерла.

– Знаешь, что самое главное в ведьмачьем ремесле?

– Что? Отличать гуля от альгуля? — обычно, ей даже нравилось, когда он решал поиграть с ней в такие игры. Сейчас, впрочем, она всерьёз сомневалась, точно ли с ним всё в порядке. — Не пить слишком много эликсиров?

Улыбка на лице Гезраса стала ещё шире и ещё кривей.

– Не-а. Следить за своим оружием. И ты, я готов поспорить, сейчас не вспомнишь, куда дела свой меч.

— Да я пять минут назад и как меня зовут не вспомнила бы… — начала было Аэлирэнн.

А меч — точно — она же кинула его на те самые ящики, где сидела сейчас.

– Твою ж мать, Гезрас, – рассмеялась она. Из глаз – то ли от смеха, то ли от облегчения – потекли слёзы, — и ты ни слова мне не сказал.

– Слезай аккуратнее, minne mo, – ведьмак не выдержал и тоже захохотал. – И, когда в следующий раз решишь заняться сексом после драки — убери сначала всё острое в ножны. И пойдём уже отсюда.

Ветер волочил вниз по проулку пыль и сухие листья и гудел в трубах домов. Незадачливые охотники за головами, не выдержав такого глумления над собственной смертью, уже начали коченеть – а они всё смеялись и смеялись, словно изобрели только что лучшую шутку во всём мире.

А сказать ему, – подумала Аэлирэнн, – *в конце концов, можно и завтра. Завтра – обязательно.*

Люди не убивают людей (Эрланд из Ларвика & Идарран из Уливо, Макси Ван Деккар, мимо проходил Гезрас, дженослэш, PG-13)

Chapter Summary

ОТП челлендж, день 23 - Being old together

Эрланд сделал глоток вина и попытался устроиться в монструозном кресле немного удобнее. Подушки были слишком мягкими, а само кресло — слишком огромным. Какому-нибудь дворянину оно, быть может, пришлось бы как раз по душе, но Эрланд чувствовал себя в нём, как муха в паутине. Даже после нескольких дней, что он провёл в седле, кресло это не приносило покоя телу. Как, впрочем, и разговор — покоя разуму.

Нежно-розовый луч солнца, пробившийся сквозь окно, освещал стопки сложенных на полу книг и отражался в пузатых боках алхимических колб. В камине трещали еловые поленья. Рачительная экономка — да и сам Эрланд, с детства привыкший к холоду и промозглому морскому ветру — не одобрили бы такую расточительность. До осеннего Эквинокция ещё две недели, ночи стоят тёплые — и нет никакой нужды лишний раз жечь дрова. Однако нынешний постоялец этого дома мог ни в чём себе не отказывать.

— И вот теперь — угадай что? Правильно, я уже в третий раз нахожу под дверью букет цветов, — закончил рассказ Идарран.

История, по его задумке, должна была быть смешной или хотя бы забавной, но Эрланд лишь неопределённо пожал плечами. Слишком знакомо. Слишком уж давно и хорошо он знал Дара.

Макси, дочь барона ван Деккара, имела несчастье родиться в день солнечного затмения. Потом, к ещё большему её несчастью, у девочки обнаружились странные привычки — она могла смотреть в стену, повторяя по десятку раз одну и ту же фразу, а однажды — потому что «но мне интересно, что внутри» — оставила на обеденном столе выпотрошенную кошку. Ни амулеты, ни заговоры на неё не действовали — поэтому чародеи решили, что девочка проклята печально известным проклятием Чёрного Солнца. Барон ван Деккар последовал их совету — и ничтоже сумняшеся запер дочь в башне.

Но время шло, жена барона больше не рожала ему дочерей, а желание породниться с помощью брака кем-нибудь побогаче и повлиятельней никуда не уходило. Потому-то он и вызвал теперь специалиста по мутациям и проклятиям, уродующим человеческий организм, снял для него в городке Уливо, рядом со своим родовым поместьем, огромный дом, и оплатил все текущие и будущие расходы.

— И что с ней, в результате, не так? — скорее из вежливости, чем из истинного любопытства спросил Эрланд. Диагноз был и так ему понятен — очередной брошенный и никому не нужный ребёнок. Материал для экспериментов. Кролик или мышка в лаборатории. Такой же, как они с Даром. Такой же, как все маленькие грифоны, снимающие с деревьев в Каэр Серен арбалетные болты.

— С девочкой? Ничего особенного, — отмахнулся Дар, — социальная и сенсорная депривация. Нечего было запирать её в башне. Зато её кровь… Эрланд, ты когда-нибудь видел антитела к магии? Это поразительно. Ещё немного — я смогу выделить их из крови и синтезировать искусственно. Представляешь, насколько это сможет улучшить ведьмачьи эликсиры? А если ещё получится выделить у неё ген резистентности к магии…

— И ты, конечно же, собираешься первым делом протестировать свои эликсиры на мне? — усмехнулся Эрланд.

— Как будто ты против, — вернул улыбку чародей.

Когда-то давно — размытые и туманные десятки лет назад — Эрланд по ночам приходил в маленькую комнатку под самой крышей замка в Риссберге. Иногда — капая на холодный пол кровью из разбитого носа, иногда — пряча за пазухой украденную с кухни бутылку вина. У Дара были тёплые и чуткие руки, и он всегда знал, как унять боль, остановить кровь или сгладить последствия очередного экспериментального эликсира. А Эрланд умел слушать — про то, как удивительно устроены живые тела, как прекрасна магия и как Дар рад тому, что учитель в очередной раз похвалил его работу. Он и сейчас многое бы отдал, чтобы вернуть те времена — да только время, как известно, проходит слишком быстро, безвозвратно и навсегда.

— И что будет с ней дальше?

— Ничего, — равнодушно ответил Дар. — Она не больна, а воспитанием подростков я заниматься не собираюсь. Закончу свои исследования, расскажу барону, что ничем не могу ему помочь, и уеду отсюда.

— Я бы, на твоём месте, — Эрланд не хотел давать ему советов, но всё же не удержался. — Был бы с ней осторожнее. Сейчас она видит в тебе первого, кто разглядел в ней не чудовище, а живого человека. Возможно, даже единственного друга. Представь, что будет, когда она поймёт, что тебе была нужна всего лишь дюжина пробирок её крови. Как будто и так мало у тебя врагов.

— Эрланд, — тепло улыбнулся Дар, — я ценю твою заботу. Но ты правда сейчас говоришь, что я должен бояться шестнадцатилетней девочки?

— Ей не всегда будет шестнадцать, а ещё — ты сам мне сказал — она полностью невосприимчива к магии. Но моё дело — предупредить.

Ведьмак отпил ещё вина. Приятное тепло потихоньку охватывало его, путая мысли. Дар молчал — винно-красные блики на мраморной столешнице явно интересовали его больше, чем судьба дочери барона ван Деккара. Вряд ли у него найдётся для неё хоть

капля доброты, понимания или сочувствия. Эрланд давно уже — те самые размытые и туманные десятки лет назад — выучил, что вся доброта, сочувствие и понимание, которые есть у Дара — вместе с его сердцем, разумом и безраздельной преданностью — принадлежат совершенно другому человеку. Макси ван Деккар же ещё только предстоит это узнать.

— Кстати, — начал Эрланд, чтобы хоть как-то нарушить повисшее молчание, — как дела у Альзура?

— Эрланд, дорогой мой, — беззлобно ухмыльнулся Дар, наполняя их опустевшие бокалы. — Давай мы не будем делать вид, что тебя действительно хоть сколько-нибудь интересует, как дела у Альзура. Или что ты сейчас просто так, по старой доброй дружбе, заехал меня навестить.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — вздохнул Эрланд.

— Что правда, то правда, — ответил Дар.

Ведьмак залпом опустошил свой бокал. В самом деле, к чёрту хождения вокруг да около.

— Ты слышал новости из Каэдвена?

— Смотря какие.

— На границе с Аэдирном кто-то сжёг дотла три форта. Погибли несколько сотен рабочих и переселенцев, направлявшихся в Синие горы, а среди местных начали ходить байки, что там объявился дракон. Кто-то, вроде бы, уже даже начал собирать деньги, чтобы оплатить заказ.

— Только драконов в Синих горах уже лет двадцать никто не видел, — разумеется, Дар сразу понял, к чему он клонит, — и дракон не способен отличить пограничный форт от пасеки или хутора.

— Ага. И ни один дракон не станет забирать оттуда абсолютно всё оружие перед тем, как сжечь стены. А ещё в Аэдирне и Каэдвене сейчас бунтуют эльфы, которым оружие как раз по нраву.

— Но чего ты хочешь от меня? Драконы — и те, кто себя за них выдаёт — это твоя работа.

А вот и оно. Эрланд набрал воздуха, как ныряльщик, прыгающий с обрыва.

— Я боюсь, что знаю того, кто это сделал, — наконец сказал он то, ради чего и пришёл. Дышать стало легче, даже липкая вязкость кресла и мутная теплота вина как будто бы выпустили его из своих объятий. — И я прошу тебя помочь мне его найти.

— Твою мать, Эрланд. Нет, — сразу помрачнел Дар. — Будет опять как тогда, с Арнагадом, — ведьмак машинально коснулся шрамов на лице. — Я не собираюсь

опять вытаскивать тебя с того света из-за того, что ты где-то увидел несправедливость и решил поиграть в рыцаря.

— Пожалуйста, Дар. Ради нашей старой дружбы. И не только нашей с тобой.

Нас связывает общая боль, — ещё тогда говорил Эрланд. Он и сейчас так считал. Ведьмаку, который решил заживо сжечь две сотни человек, явно было очень, очень больно.

— Хорошо. Ты, с моей помощью или без, найдёшь его, — с каждым словом обычно тихий и вкрадчивый даров голос становился всё громче и резче. Эрланд поморщился. — И что ты сделаешь дальше? Попробуешь убить его? Предать справедливому суду? Призвать к порядку и добродетели? Или посыпешь голову пеплом и начнёшь на каждом перекрёстке рассказывать, что на самом деле все ведьмаки не такие? Ты и в самом деле считаешь, что это хоть что-то изменит? Что вас — нас — перестанут от этого считать выродками, мутантами и чудовищами?

— Я хочу хотя бы знать, что у него в голове. Почему он это сделал. Люди, — на этом слове Эрланд запнулся, а Дар усмехнулся криво и неприятно, — просто так не убивают людей.

Положа руку на сердце, Эрланд и так знал ответ на свой вопрос. Ещё один брошенный и никому не нужный ребёнок, маленький кролик из лаборатории, сам стал чудовищем вместо того, чтобы защищать от них мир. Кто-то из них, чтобы заглушить душевную боль, режет шестнадцатилетних девушек, как лягушек. Кто-то охотится за призраками. Кто-то всё пытается убиться об первого попавшегося беса или лешего. Кто-то возомнил себя рыцарем в сияющих доспехах. А кто-то — убивает людей.

Эрланд не заметил, как Дар пересел на подлокотник его кресла. Холодные пахнущие вином губы коснулись его щеки, тонкая рука легла на плечи поверх кольчуги.

— Последний раз, Эрланд. И только если ты пообещаешь мне, что перестанешь наконец пытаться исправить все несовершенства этого мира.

Последний раз. Слишком уж давно они друг друга знают. Ведьмак лишь коротко кивнул.

— А теперь пойдём наверх, — сказал Дар, поднимаясь с кресла и утягивая его за собой. — Мой дом — твой дом.

Seven stars in the still water (Аэлирэнн, Гезрас из Лейды, Францеска Финдабаир, ОМП; джен, драма, болтовня, R)

Chapter Summary

День 29 – Doing chore around the house (gone terribly wrong)

Chapter Notes

Название & музыкальное сопровождение: www.poetry-archive.com/w/the_dole_of_the_kings_daughter.html, https://youtu.be/7pgEZchOsZs
Посвящается платью Францески Финдабаир из Гвунта и игнорированию гвунтовского канона
Если вам показалось, что вы видите фемслэш – вам не показалось хд

See the end of the chapter for more notes

— Я тебя не боюсь.

Она врала, и ей было страшно. Она — завидное самообладание — старалась этого никак не показать, но Гезрас замечал многое — лихорадочно бьющуюся жилку на шее, неглубокое дыхание, расширенные зрачки. Уж его-то она не обманет.

Он тоже когда-то боялся. Умрёшь ли ты сегодня? Или, быть может, кто-то из твоих товарищей? Или всего лишь промучаешься весь день и всю ночь от дурманящей разум боли? Отпустят ли тебя уже успевшие окоченеть пальцы? Гезрас чуть повернул рукоять кинжала. Хотелось бы ему, чтобы и она сейчас испытывала хоть малую толику этого страха.

Огромные голубые глаза смотрели на него, прямо и не моргая. Она была очень красива — даже по эльфским меркам, и молода — вряд ли старше его самого. Едва ли это можно было назвать местью — её-то уж точно не было в трижды проклятом замке Стигга, но Гезрас не мог отказать себе в удовольствии немного её помучить. *Кошки любят мучить добычу.*

Он и должен был охотиться. Сегодня не его очередь, но после их последней вылазки — чудовищно неудачной — в лагере было слишком много раненых, и поэтому Гезрас вызвался сам. И что поделать, раз уж ему попалась не куропатка и не кролик, а чародейка, вздумавшая прятаться и лесу и искать их лагерь.

— А зря, — ответил он наконец. — Я перережу тебе горло раньше, чем ты успеешь хотя бы зачерпнуть силу.

— Хватит, vatt'ghern, перестань. Я просто хочу поговорить с Аэлирэнн. Я могу быть ей полезна — а если бы желала ей чего-нибудь дурного, то давно бы уже сделала, поверь мне, — голос её был всё таким же звонким и чётким, и смотрела она всё так же ему в глаза. Настоящая Seidhe из Синих Гор. Настоящая чародейка, абсолютно уверенная в своей неуязвимости и непогрешимости. Вот только Гезрас-то знал, что кости у чародеев так же легко ломаются, как и у зарвавшихся кметов или бандитов из придорожной корчмы, а жилы и плоть так же легко расходятся под холодной сталью.

Сжатые до судорог пальцы дрогнули, и когда рубиново-красная капля крови выступила на белой коже, Гезрас наконец очнулся от дурного сна, в который он словно бы провалился наяву.

— И только поэтому ты до сих жива. Пойдём. И даже не думай что-нибудь выкинуть, — он паскудно ухмыльнулся. — Я убивал чародеев и пострашнее тебя.

***

Сначала снаружи захрустели сухие ветки. Потом полог палатки открылся с треском и шелестом. И наконец — звякнули пряжки, раздался глухой стук, и два ведьмачьих меча в кожаных ножнах легли на пол где-то в углу. Аэлирэнн открыла глаза. Ведьмак, если хотел, мог быть бесшумным, как кошка, и невидимым, как призрак, но сейчас он, наоборот — сделал всё возможное ради того, чтобы она услышала.

— Что случилось, котик? — с трудом поднимая голову и садясь на одеяле, спросила она. Голова — то ли от усталости, то ли и ей всё-таки досталось — болела беспощадно.

Гезрас в ответ посмотрел на неё — он и так не был красавцем, но сейчас его перекошенным лицом можно бы было пугать детей.

— Похоже, ни оленя, ни косулю, ты не поймал, — начала она.

— Я нашёл эльфку, — ответил Гезрас — Seidhe. Она искала наш лагерь и очень хотела с тобой поговорить.

Аэлирэнн наконец поняла, что именно разглядела в его лице. Ненависть. Ненависть, смешанную с презрением, отвращением — и страхом.

— Это, вроде бы, и неплохо? — спросила она. — Почему ты тогда выглядишь так, словно готов хоть сейчас убить её своими руками?

— Потому что так и есть, — вздохнул Гезрас. — Она чародейка.

Дальше можно было его не расспрашивать. Ведьмак никогда не рассказывал, что случилось с ним в замке Стигга, а она сама — потому что боялась не найти в ответ нужных слов — никогда не задавала вопросов.

— Что ж, пойдём, поговорим с ней, раз уж такое дело, — только сказала она, натягивая сапоги.

***

— Это безумие, Энид. Ты сошла с ума. И я ни за что не поверю, что твой отец ничего не знает.

— Знает, почему же. «Ты мне больше не дочь. Поступай как знаешь и не смей возвращаться». Конец цитаты.

Голоса было слышно издалека, ещё из-за поворота тропинки. Аэлирэнн вопросительно посмотрела на шагавшего рядом Гезраса. Тот лишь пожал плечами и скривился ещё больше.

Они стояли на опушке на краю лагеря — видно, хотели избежать посторонних глаз. Хотя — отметила про себя Аэлирэнн — тогда и спорить так громко не следовало. Доран опирался спиной о раскидистый бук, стараясь не наступать на больную ногу. Ему в этот раз сильно досталось.

Его собеседница стояла к ним спиной, и Аэлирэнн видела лишь спутанные золотистые волосы и кое-где порванное светлое платье. *Кто, в самом деле, ходит по лесу в таком виде.*

— Я вижу, вы знакомы, — начала Аэлирэнн. — Не представишься?

Чародейка обернулась. Она была очень молода и, несмотря на то, что лицо её было перепачкано грязью, а в волосах запутались листья — невероятно красива. Аэлирэнн не была уверена, случалось ли ей видеть столь же красивую женщину раньше.

— Энид ан Глеанна, — представилась она. — Аэлирэнн, прозванная Белой Розой — это ты?

Энид ан Глеанна. Маргаритка из Долины. Не настоящее имя, разумеется. И опять чёртовы цветы. Аэлирэнн посмотрела на ведьмака. Гезрас оставил мечи в палатке, но сейчас непроизвольно потянулся рукой за спину, туда, где обычно носил их. Аэлирэнн покачала головой.

— Я. Хотя и не люблю это прозвище. И тебя бы тоже предпочла знать по настоящему имени.

— Это совсем не важно, — спокойно ответила чародейка.

Её ярко-голубые глаза неотрывно смотрели только на Аэлирэнн, будто никого вокруг и не было. Seidhe — и dhoine — женщины и мужчины — часто смотрели на неё. С ненавистью, презрением, отвращением, недоумением, преданностью, вожделением — как только не. Но от того, как на неё смотрела эта эльфка, Аэлирэнн стало не по себе. Так, должно быть, солдат смотрит на полководца перед тем, как идти умирать в бою.

Аэлирэнн неловко провела рукой по своим растрёпанным волосам. Рано или поздно к таким взглядам придётся привыкнуть.

— Я чародейка, — сказала Энид. — Я видела, что у вас много раненых. Я умею лечить. Я могла бы помочь вам. Я хочу…

— Нет, — прошипел Гезрас, не давая ей договорить.

— Ты знаешь, что это невозможно, — сказал Доран, всё время до этого молчавший.

Они с ведьмаком переглянулись, оба удивлённые неожиданным единодушием.

Аэлирэнн покачала головой, будто пытаясь стряхнуть дурман. Голубые глаза всё так же смотрели ей прямо в лицо. Сама она сейчас же позвала бы чародейку присоединиться к их лагерю, поделилась бы с ней едой и кровом — тем немногим, что у них было — слишком уж сильно действовал на неё этот взгляд. *Нет, тут нужна хоть капля разума.* Почему Гезрас был против, она знала — но вот Дорана следовало выслушать. Он, кажется, мог бы многое рассказать.

Аэлирэнн огляделась. Солнце уже почти зашло. На другом краю лагеря зажёгся костёр часовых. Вечерний ветер принёс с собой холод из леса. Чародейка сложила руки на груди, стараясь не показывать, что мёрзнет в своём тонком платье, но губы её побледнели почти до синевы.

— Скоро стемнеет, — начала Аэлирэнн. — По темноте всё равно нельзя оставаться в лесу. Ты переночуешь у нас в лагере, мы найдём тебе что-нибудь более подходящее, — она указала взглядом на её платье. — Утром я скажу тебе, что решила. А ты, быть может, к этому времени всё-таки скажешь своё настоящее имя.

Энид вздрогнула — и не от холода.

— Это значит нет?

— Это значит — я отвечу тебе утром, — сказала Аэлирэнн.

Холера, надо привыкать.

— Как скажешь, Белая Роза, — если Энид была разочарована, то скрыла она это очень умело.

***

Свинцовый карандаш размеренно скрипел по бумаге. Доран, сощурившись, писал что-то в своём дневнике. Ночь была безлунной, а свет от костра — слишком неверным. Неудивительно, что у него всё время болят глаза.

На земле, у его ног, стояла глиняная кружка. Аэлирэнн подняла её, села на бревно с ним рядом и сделала глоток. Какие-то травы и много спирта. Она скривилась. Редкостная дрянь.

Доран только молча отложил карандаш и забрал кружку из её рук.

— Как твоё колено? — спросила она, указав взглядом на неудобно вытянутую ногу.

— Плохо, — ответил он. — Рано или поздно заживёт. Ты ведь не об этом хотела спросить?

— Эта Энид — чародейка. Тебе, вообще-то, не помешала бы её помощь, да и не только тебе. У нас правда много раненых.

— Я справлюсь и сам, — тихо ответил Доран. — И я против.

Аэлирэнн покачала головой. Все держат её за идиотку. Чародейка не хочет называть своё имя. Доран, хотя, явно что-то знает, собирается молчать, как шпион на допросе. Ведьмак же чуть не убил Seidhe, которая вполне могла бы быть им полезна, просто потому, что кто-то когда-то его — пусть и чудовищно — обидел. Тихо выругалась, а потом начала говорить — резко и чётко.

— Во-первых, она — хотя и не называет своё имя — явно аристократка из Дол Блатанна. Ты мог бы сказать, что это проблема, потому что непонятно, как к ней отнесётся большая часть наших товарищей. Я бы могла сказать, что это убедительный аргумент — если бы ты сам не был бы чёртовым аристократом из Дол Блатанна и если бы мы не знали, что этот конфликт существует только у нас в головах. Во-вторых, она чародейка. Ты мог бы сказать, что ведьмаки ненавидят чародеев и что дюжина ведьмаков важнее её одной. Но ты прекрасно знаешь, что ведьмаки — не важно, что они любят и что ненавидят — сделают то, что им скажет Гезрас. А Гезрас будет делать то, что скажу я. И наконец — она не хочет называть своё имя. Но мы оба прекрасно знаем, что важны не имена сами по себе, а то, что за ними стоит. Так что ты либо начнёшь говорить, и расскажешь мне наконец, что с ней не так, либо я решу, что у ведьмака просто приступ паранойи, на что он, в общем-то, имеет право, — а у тебя с этой чародейкой просто какая-нибудь давняя личная история — на что у тебя никакого права нет.

Доран — неожиданно — усмехнулся и похлопал её по плечу.

— И так каждый раз, когда-нибудь задаётся вопросом, почему это именно ты. Она так и не сказала тебе, кто она?

— «Чародейка, которая очень хочет помочь нашему делу, остальное теперь уже неважно», и прочая, и прочая.

Доран покачал головой.

— Видит Дева, я очень не хотел нарушать её инкогнито. Было бы намного проще, если она всё-таки сама тебе рассказала.

— Будет проще, если ты хоть что-нибудь мне объяснишь. Что с ней не так?

— С ней всё так. Она и действительно чародейка, не Исток и Знающая, но таланта у неё достаточно. Но зовут её Франческа аэп Майрвен, она дочь Симласа аэп Дабаира, и, за неимением у того других детей…

— Единственная наследница Дол Блатанна, — закончила Аэлирэнн. — Твою мать.

Пока что — как бы ей ни хотелось думать иначе — все они были лишь горсткой террористов. Кучкой лесных бандитов, по которым плачет виселица. Но стоит будущей правительнице единственного ныне существующего эльфского государства к ним присоединиться — и короли dhoine легко сочтут это объявлением полноценной войны.

Доран кивнул.

— И поэтому я против. Опасности от неё намного больше, чем пользы, как бы цинично это ни звучало.

Никто не поверит, что Франческа сражается вместе с ними не то что не с одобрения — вопреки прямому запрету — своего отца. Dhoine — трусливые животные, которым только и дай повод отыграться на слабых и ни в чём не повинных — могут счесть это нарушением всех мирных договоров и ввести войска в ещё оставшиеся эльфские города. Сам Симлас — что сделаешь ради, нет, не своей дочери, а своей власти — вполне может нарушить наконец свой нейтралитет и подослать к ней убийц. *Это всё какая-то бандитка из осёдлых, а я ни при чём.* Аэлирэнн невпопад подумала, что её ведьмак, будь он на чьей-нибудь другой стороне, предложил бы именно так решать эту проблему.

— И что нам с ней теперь делать? — обречённо спросила она. — Мы не можем взять её к себе. И обратно в Дол Блатанна её теперь никто не пустит.

С какой стороны ни посмотри, выходит отвратительно.

— Дать ей лошадь, — ответил Доран. — Нормальную одежду, запас еды на неделю и немного денег и проводить до ближайшего города. Ничего лучше я придумать не смог.

— И она, скорее всего, долго там не протянет, — скривилась Аэлирэнн. — Вот дерьмо.

— Не то слово. Проклятье, мы ведь даже когда-то были с ней друзьями. Кто бы мог подумать, что она поведёт себя, как последняя идиотка. Она ведь знала чем всё это может закончиться, да и в Дол Блатанна она могла быть полезнее. Нам бы пригодилась её помощь с той стороны, — Доран опустил голову и потёр пальцами глаза. Было видно, что ему тоже не по себе.

Аэлирэнн вздохнула. Немного той травяной дряни — или водки — или фисштеха — сейчас не помешало бы.

— Я так не хочу это решать. Я просто хочу убить всех, кто меня обидел.

Но придётся. Холера, нужно привыкать

— Но придётся, — ответил Доран. — И именно тебе. Энид ради тебя пошла на такое. Все слушают только тебя.

— Такое дерьмо, — выругалась она. — Я так ненавижу, когда ты прав.

— У тебя есть чернила? — Аэлирэнн вздрогнула от неожиданности. Ведьмак — в этот раз абсолютно бесшумно — возник из темноты. Ей стало не по себе от того, как долго он, наверное, подслушивал их разговор.

— Что? — спросил Доран, похоже, удивившийся меньше её. — Ты не мог бы хотя бы на нас не устраивать засаду?

— Нет, не мог бы, — ответил ведьмак. — Так есть у тебя чернила?

— Зачем тебе? — спросила наконец Аэлирэнн.

Доран лишь молча протянул ему карандаш. Потом, подумав, выбрал листок из блокнота и тоже отдал ему.

Гезрас уселся у костра напротив них и принялся писать. Ровные мелкие буквы строка за строкой покрывали бумагу.

— Я собираюсь решить вашу маленькую моральную дилемму, — не отрываясь от письма, ответил Гезрас.

— Ты не будешь её убивать, — сквозь зубы произнёс Доран. — Даже не думай. Или я убью тебя. Попытаюсь, хотя бы.

— Не получится, — сказал ведьмак. Карандаш продолжал скрипеть. — Не пытайся.

— Хватит, — одёрнула его наконец Аэлирэнн. — Мы не твои враги. И Энид, как бы ты ни ненавидел всех чародеев, тоже враг тебе.

— Я не собираюсь никого убивать, если только ты не попросишь, minne mo, — ответил Гезрас, поставив внизу страницы размашистую подпись. — Я просто не хочу, чтобы тебя потом мучила совесть. Вот я и вспомнил, что когда-то знал кое-кого, кто сейчас мог бы быть полезен. Кстати о чародеях.

А потом снова обернулся к Дорану.

— И всё-таки, нормальных чернил у тебя нет?

— Да откуда бы…

— Ладно, — ответил ведьмак, снимая с шеи медальон с выгравированной кошачьей головой.

А потом — свет костра отразился на лезвии кинжала, и по его ладони потекла струйка крови. Аэлирэнн смотрела, как капли одна за другой падают на землю.

Ведьмак любил боль — не меньше, чем причинять её другим. Боль помогает, если ты хочешь кого-нибудь убить. Если тебе страшно и тошно. Если ты хочешь удостовериться, что ты ещё жив. Она его хорошо понимала. Она тоже любила боль.

Гезрас приложил свой медальон к кровоточащему порезу, потом к листу бумаги. Ржаво-красные расплывчатые очертания кошачьей головы отпечатались поверх его подписи.

— Вот, — сказал он наконец, складывая лист бумаги вчетверо и протягивая его Дорану. — Передай это своей подруге. Пусть найдёт чародея по имени Альзур — я уверен, что это не слишком сложно — и отдаст ему это письмо. Кому-нибудь из его шайки точно понадобится ученица или кто-то в этом роде. Всяко лучше, чем просто выставить её на мороз.

И потом, подумав немного, добавил:

— Только не говори, что это от меня. Она не поймёт.

Доран поморщился.

— Сажа с водой бы тоже подошла. Если тебе непременно нужно было оставить цеховой знак. Но спасибо.

— Это не ради тебя, — ответил ведьмак. — И не ради Энид. Я бы с радостью её убил.

Аэлирэнн кивнула, выбираясь из своих мыслей, а потом посмотрела на ведьмака.

— Нет, — сказал она, забирая сложенное письмо у него из рук. — Это я должна с ней поговорить. И спасибо, котик.

***

Ночью шёл дождь, и утра лесные тропинки превратились в непролазную грязь. От земли веяло влажным холодом.

Энид ан Глеанна — *Франческа, стоило звать её так,* — хотя солнце ещё только слегка выглядывало из-за деревьев, уже не спала. Быть может, она так и всю ночь провела без сна.

Аэлирэнн посмотрела на неё, не зная, как начать. Тёмные тени под большими голубыми глазами, шерстяной плащ не по размеру. Когда-нибудь — если ей повезёт выжить и не повезёт во всём остальном — кто знает, может быть и ей придётся принимать такие же решения.

Аэлирэнн протянула чародейке сложенное письмо.

— Гезрас, мой… — она запнулась не мгновение, — мой любовник, просил передать тебе это. Найдёшь человеческого чародея по имени Альзур, отдашь ему — и он, если повезёт, о тебе позаботится.

— Гезрас? Тот самый ведьмак, который всё грозился перерезать мне горло? — невесело усмехнулась чародейка.

— Не принимай близко к сердцу, — ответила Аэлирэнн. — Ничего личного, просто…

— И с такой компанией ты предпочитаешь иметь дело? — вздохнула Франческа. Страх, досада, разочарование, что бы чародейка ни чувствовала, на её лице отразилась только тень грустной улыбки. — Это значит нет?

Надо привыкать.

— Это значит нет, — собравшись с силами, ответила Аэлирэнн. — И ты знаешь, почему, Франческа, дочь Симласа. Согласившись на твою помощь, я подпишу себе и всем своим бойцам смертный приговор.

Чародейка быстро кивнула и отвернулась, поднимая руку к лицу. Аэлирэнн показалось, что она слышит едва различимый всхлип.

Надо привыкать.

— Это отвратительный выбор. Но мне всё же пришлось выбирать — между одной тобой — и благом ещё многих. Я не могу поступить иначе, — Аэлирэнн сделала шаг вперёд, положила руку чародейке на плечо. — И я надеюсь, что тебе так выбирать никогда не придётся и ты меня не поймёшь. А если всё же придётся, ты вспомнишь этот разговор и подумаешь обо мне.

Франческа Финдабаир, чародейка и наследница Дол Блатанна, едва сдерживала слёзы. Аэлирэнн, прозванная Белой Розой, предводительница эльфского восстания, сделала ещё шаг вперёд и невесомо коснулась губами её виска.

— Прощай. И помни меня.

Chapter End Notes

Автор скорее мёртв, чем жив, но будет благодарен за пару добрых слов (& они повышают вероятность появления следующих частей)

Кому суждено быть повешенным... (Аэлирэнн / Гезрас из Лейды; гет, PG-13)

Chapter Summary

День 5 – Scar worship

Chapter Notes

Музыкальное сопровождение: https://youtu.be/derABg4yoTE

See the end of the chapter for more notes

Гезрас положил под голову свою свёрнутую рубашку, вытянул ноги и прикрыл глаза, подставляя лицо последнему вечернему солнцу. Речка – безымянный приток Явины – звонко журчала внизу. Из-под обрывистого берега выпорхнула ласточка, ухватила на лету водомерку и, блеснув крыльями, скрылась среди деревьев.

Тростник, росший на берегу, слегка зашелестел, потом раздались шаги босых ног по песку. Ведьмак открыл глаза и покосился в её сторону. На ней было только тонкое льняное платье. Ни сапог, ни брони – ни оружия. Он чуть слышно хмыкнул – его мечи и кинжал лежали тут же, на расстоянии вытянутой руки.

– Хорошее место ты себе нашёл, – сказала Аэлирэнн, устраиваясь рядом с ним на траве.

— Ага, – ответил Гезрас, – даже не хочется теперь туда лезть, – он указал взглядом в сторону реки.

Она рассмеялась. Ведьмак приподнялся на локтях, пытаясь сесть, и шрам от скверно зажившей раны, спускавшийся от шеи к лопатке, потянул противной ноющей болью. Гезрас поморщился, пошевелил рукой.

– До сих пор больно? – спросила она.

– Не очень, – ответил Гезрас.

Прохладные пальцы коснулись его плеча, и ему показалось, что под ними боль отступает.

– Расскажешь мне?

– Что рассказать? – Гезрас посмотрел на неё с недоумением.

– Это, – пальцы чуть ощутимее коснулись его лопатки, – накеры, упрямство и несовершенство полевой медицины.

– Это, – прошлись вдоль рваной черты на ладони, – издержки характера и склонность к излишнему драматизму, – Гезрас усмехнулся – забавные она выбрала слова.

– А это, – она указала на углубление в мышце, где наконечник когда-то прошил её насквозь, – арбалетный болт от того говнюка. Но все эти шрамы были на моей памяти. А сейчас я хочу знать про остальные.

Ведьмак рассмеялся.

– Ты как будто в первый раз видишь меня без рубашки.

– Во-первых, совсем не так часто, как мне хотелось бы, – улыбнулась в ответ она. – А во-вторых, считай, что у меня сейчас сентиментальное настроение.

– Ну ладно, так и быть. Спрашивай.

Она смотрела долго, изучая, казалось, каждый дюйм его кожи. Потом её ладонь коснулась длинного шрама от когтей на его животе.

– Это полуденница, – ответил Гезрас. – Мне было даже немного жаль её. Но мне слишком сильно хотелось спать под крышей и есть что-нибудь, кроме сухарей.

Аэлирэнн не торопилась убирать руку. Ладонь её было двинулась ниже, но потом она передумала, посмотрела ему в лицо и дотронулась до белёсой черты под ключицей.

– А это?

– Один dhoine дал мне заказ куролиска. А потом решил, что мёртвому ведьмаку можно и не платить.

Аэлирэнн рассмеялась.

– Зато мёртвый заказчик может заплатить дважды. А это? – её пальцы прошлись вдоль тонкой красноватой линии с внутренней стороны предплечья, там, где должна была быть вена.

Гезрас скривился.

– Это криворукий магик намутил что-то не то со своими иголками. Было ужасно больно. До сих пор больно, когда я об этом вспоминаю.

Она погладила его руку, будто пытаясь стереть неприятное воспоминание.

– А это? – пятно от ожога на груди. Кожа там была похожа на грубо выделанную бумагу.

Ведьмак поморщился, вспоминая. Это было слишком давно.

– Ну что же? – не выдержала Аэлирэнн. – Горящие головешки? Какой-нибудь жуткий эликсир? Дракон?

– Кипящий суп, – буркнул Гезрас.

– Кипящий суп? – в недоумении переспросила она.

– “Вали, ублюдок, под ногами не путайся,” – не очень похоже передразнил Гезрас. – “Ещё лишний рот кормить.” Кстати, в этом месте я ничего не чувствую. Там кожа, как заплатка.

Аэлирэнн нахмурилась, а потом наклонилась и коснулась ожога губами.

– А если так?

– И даже так, – он ухмыльнулся, – но если…

Её губы двинулись выше, ткнулись куда-то в шею.

– Но так лучше, – довольно прошептала она ему на ухо.

– Ещё бы… – ответил ведьмак.

Аэлирэнн выпрямилась, хмуро посмотрела куда-то в пространство, а потом покачала головой.

– Я никогда не могла этого понять.

Гезрас вопросительно посмотрел на неё.

– Почему dhoine так ненавидят своих детей?

– Справедливости ради, – ответил он, – это была не моя мать.

Мать Гезраса умерла родами, даже на смертном одре не сказав никому, кем был его отец. Тщетная попытка защитить сына от всего того что ждало его в жизни. Природу – и слишком пристальные взгляды dhoine – впрочем, не обманешь.

– Доран однажды сказал мне, – задумчиво протянула Аэлирэнн. – Что в Дол Блатанна не бывает чужих детей. Я думаю, это справедливо.

Гезрас пожал плечами. Если бы не столько чужих, никому не нужных детей, десятками, сотнями умиравших во время испытания травами, то, может быть, и ведьмаков вовсе не было бы.

– Я думаю, что кому-то просто повезло больше, чем остальным, – ответил он.

– Ладно, – сказала Аэлирэнн. – Не будем об этом. Тем более, остался мой самый любимый шрам.

– Это какой же? – усмехнулся Гезрас.

– Да ладно, не притворяйся, что не знаешь, – и она поцеловала его в уголок губ.

– Нет, – рассмеялся ведьмак, – это ужасно глупая история.

– Да, – засмеялась Аэлирэнн в ответ. – Ну пожалуйста!

– Просто ужасно, – всё ещё с трудом сдерживая смех, начал он. – Ты знаешь, что такое маятник? В смысле наш, ведьмачий, а не просто маятник?

Она покачала головой.

– Такая отвратительная шипастая дубинка, размером с половину тебя – если ты ребёнок. Она раскачивается на тросе, а ты прыгаешь по гребёнке с завязанными глазами и пытаешься увернуться. Вот я и получил маятником в зубы. А потом ходил и шепелявил. "Это вшё кшенофобия и совшем нешправедливо!", – смеясь передразнил Гезрас.

Аэлирэнн улыбнулась и задумчиво посмотрела ему в лицо.

– Интересно, каким ты тогда был…

Гезрас покачал головой.

– Таким же, как и сейчас. Очень живучим и очень злым. Только глаза, разве что, другие.

Аэлирэнн кивнула.

– Понимаю. Я тоже была очень злой, – она улыбнулась. – А ещё у меня были воот такие косы, и я ругалась, как портовый грузчик.

Пару минут они смотрели, как солнце медленно заходит над безымянным притоком Явины, окрашивая воду в красный и фиолетовый, а потом Гезрас серьёзно сказал:

– Раз уж так, то теперь твоя очередь.

– Моя? – переспросила Аэлирэнн. – Ну нет, у меня не найдётся столько историй.

– Одна уж точно есть, – ответил Гезрас, осторожно притрагиваясь к шраму на её шее. – Расскажешь, как это случилось?

Она замерла, будто каменная. Будто ей снова перестало хватать воздуха, и удавка сомкнулась вокруг шеи, не давая вздохнуть. На мгновение Гезрасу показалось, что сейчас она вскочит, оттолкнёт его, скажет что-нибудь резкое – но она только мягко отстранила его пальцы.

– Скажи, ты веришь, что молния дважды не попадёт в одно место? – спросила Аэлирэнн.

Ведьмак только покачал головой, ничего не ответив, а она начала говорить.

– Я жила когда-то Венгерберге. Пять лет назад там был погром. Мне никогда – никогда раньше, никогда после – не было так страшно. Они убили почти всех. Они хотели меня повесить. Я ведь эльфка, самая страшная, чёрт побери, преступница. Но, – она рассмеялась, нервно, невесело, – представляешь себе? У них была гнилая верёвка. Это так глупо. Как ты думаешь, это значит, что меня теперь не повесят? Что я не умру?

***

– Это ведь было самое страшное, правда? И теперь больше никто не умрёт?

Они сидели на стене, у полуобвалившейся башни в Моргрейге. Татуированный ведьмак родом со Скеллиге рассказывал забавные истории, случившиеся с ним на Пути, а Гезрас слушал вполуха, стараясь отвлечься от вывернувшей тело наизнанку боли.

– Да. Раз уж ты пережил Испытание Травами – остальное тебе не страшно.

Он очнулся в подвале замка Стигга, и окоченевшие пальцы трупа сжимали его запястье, не давая встать. Столько вранья.

***

– Я не верю в приметы, – серьёзно ответил Гезрас. – Но теперь у тебя есть я. Я буду тебя защищать, я обещаю.

Аэлирэнн с минуту задумчиво смотрела на него, потом коротко кивнула. А потом – в одно мгновение скинула платье и с плеском и смехом прыгнула в воду.

– Давай, котик! – крикнула она уже откуда-то с середины речки. – Прыгай спасать, а то утону, чего доброго!

Гезрас только усмехнулся, медленно поднялся и зашагал к берегу.

Chapter End Notes

Отзывы всё ещё повышают вероятность появления следующих частей

Ad Leuconoen (Гезрас, Аэлирэнн, толпа эльфов-повстанцев; джен, элементы вообще всего, условно R)

Chapter Summary

День 12 – Having a lazy day

Chapter Notes

Музыкальное сопровождение: https://youtu.be/fNA6yzFzBnM, собственно, к Левконое: https://www.olgasedakova.com/105/840
TW много оригинальных персонажей, картонки из Гвунта, мёртвый голубь (буквально), упоминание наркотической зависимости
Ого это что драббл в сборнике драбблов? Поздравьте меня

See the end of the chapter for more notes

Солнце уже село, и над лагерем стоял тёплый летний вечер. Оставалась неделя до Ламмаса – самое лучшее время в году.

– Давай, моя милая, – прошептала Рианни, в прошлом – жрица Даны Меадбх, Девы Полей, а теперь – чародейка и целительница партизанского отряда.

Бутон, выросший посреди лесной опушки у общего костра из капли крови, капли магии и капли неразделённой любви, распустился у неё в руках. Лепестки были нежно-белыми, как её тонкая кожа, а шипы – острыми, как её карающий меч. Восторженный шёпот слился с шелестом листьев. Мало кто верил, что вырастить посреди аэдирнского леса одну из роз Шаэрраведда чародейке по силам.

– Давай, признавайся, Риа, какому-такому прекрасному юноше она предназначена? Уж не кому-нибудь ли из наших кошачьих друзей? – широко улыбаясь, спросила разведчица Этриэль. Мюрлега, её ручная рысь, ткнулась хозяйке в руку большим влажным носом и громко замурчала.

– Это не юноша, – слегка покраснев, едва слышно ответила чародейка. – И не ведьмак.

Её пальцы осторожно погладили тонкие белые лепестки.

– Ты, luned, это перестань, – раздался хриплый голос, и татуированная рука охотницы Мэв похлопала чародейку по плечу. – Только плакать потом будешь.

***

Финвар Луйгерн аэп Дайре – хотя Волчиха так и не запомнил его полное имя и звал его просто Луи – взломщик, диверсант и вор, положил на служившее им столом бревно свою последнюю карту.

– Дождь, vatt'ghern, – ухмыльнулся он. – Конец всем твоим катапультам.

Эгберт по прозвищу Волчиха, ведьмак Школы Кота, схватился за голову и застонал. За прошедший день он уже успел проиграть Луи в карты все свои деньги, запас эликсиров и серебряных наконечников, томик "Монструма" и новенькую стеганку. Разве что мечи и ведьмачий медальон эльф милосердно согласился ему оставить.

– Я больше не никогда не буду играть с тобой в Гвинт, – простонал Волчиха. – У меня так и последних штанов не останется.

– Всегда можно сыграть на желание, – после минуты притворного раздумья ответил Луи, крайне довольный собой.

– И что же ты собираешь пожелать? – обречённо спросил ведьмак.

После – на этот раз серьёзного и долгого – раздумья Финвар Луйгерн аэп Дайре ответил:

– Поцелуй меня, vatt'ghern, – и Эгберт, прозванный за буйный нрав Волчихой, ведьмак Школы Кота, был совершенно не против.

***

Гезрас из Лейды – хотя родился он в безымянной деревне, а Лейда – это всего лишь каэдвенский форт высоко в горах – убийца, полукровка и мутант, чинил свой видавший виды наплечник.

Кожа в том месте, куда уже много раз приходились удары мечей и когтей, стрелы и арбалетные болты, растрескалась, порвалась и кое-где лопнула. Шило и нитки её не брали, а под заклёпками края только расходились всё больше и больше.

Наконец терпение ведьмака не выдержало, и он, выругавшись последними словами, забросил наплечник и бесполезное шило куда подальше, в тёмную лесную чащу.

Аэлирэнн, прозванная Белой Розой, преступница, революционерка, предводительница эльфского восстания и самая нынче разыскиваемая женщина в Аэдирне, Каэдвене и Редании, слегка улыбнулась. Потом отложила сборник стихов, который она читала вслух, водя пальцем по строкам и изредка запинаясь на слишком уж сложных словах Старшей Речи, и погладила ведьмака по щеке.

– Не волнуйся так, котик, – сказала она. – Рано или поздно получится. Enca foighne.

***

Доран аэп Фелеаорн, когда-то раньше – сын прорицательницы и генерала из Дол Блатанна, а теперь – правая рука революцинерки Аэлирэнн, закончил в своём дневнике посвящённую прошедшему дню запись и достал резную деревянную шкатулку с белым порошком.

Было больно – хотя Доран и не мог с уверенностью ответить, что же именно у него болит: сломанное колено, какой-нибудь из давних шрамов, уставшие глаза или что-то внутри. Не будь он материалистом, он бы сказал, что болит у него душа – впрочем, в самом существовании собственной души он в последнее время часто сомневался.

Кто-то сильно толкнул его в спину, и Доран обернулся. Блатэ, его конь, очень высокий и очень злой вороной жеребец, не подпускавший к себе никого, кроме хозяина, и стоивший больше денег, чем кто-либо из их бойцов видел когда-либо в своей жизни, вытянул шею и ударил копытом, выпрашивая угощение.

– Ты прав, друг мой. Сегодня не ст*о*ит, – ответил коню Доран, похлопав того по длинной чёрной шее.

А потом убрал коробочку с фисштехом подальше. К боли рано или поздно придётся привыкать.

***

Исенгрим Фаоильтиарна, вместе с двумя старшими братьями недавно присоединившийся к лагерю Аэлирэнн, терпеливо ждал, пока ему расскажут его судьбу.

Мэв, охотница, в общем числе двадцать лет просидевшая в каэдвенских и аэдирнских тюрьмах за разбой и браконьерство – и там же научившаяся, правда, на крысах, искусству гаруспиции – вспорола ножом брюшко пустельги, которую Исенгрим подстрелил из лука, и долго рассматривала её внутренности. “Vrihedd,” – Исенгрим про себя прочитал буквы, вытатуированные на костяшках её покрытых кровью пальцев, – “свобода.”

– Плохая птица, волчонок, – наконец ответила охотница, – такая только на суп и годится. В следующий раз неси каню либо сокола, может, и нагадаю тебе что-нибудь.

Исенгрим расстроенно кивнул и поплёлся к общему костру, а Мэв кинула пустельгу к остальной добыче.

Кишки, легкие и сердце проткнутой стрелой птицы предвещали поражение, предательство и смерть.

Chapter End Notes

Вы уже знаете, вероятность чего повышают ваши отзывы?

Spójrz mi w oczy (Аэлирэнн / ОМП, неудавшийся гет, PG-13)

Chapter Summary

...i zobaczysz tam swoją śmierć.
День 25 – Trying to seduce one another (ключевое слово trying)

Chapter Notes

TW сомнительное согласие, алкоголь, вещества, все дела, весьма неприятная глава, не говорите, что я не предупреждала
Музыкальное сопровождение (?): https://youtu.be/X0ObLcmmKjA

See the end of the chapter for more notes

Иногда мне кажется, что этот дождь вообще никогда не закончится. Он так и будет идти, пока не затопит совсем всё, весь этот захудалый трактир, всех людей, все их поля и все города, и нас вместе с ними. Дома такому дождю, наверное, были бы рады. Осенью в Долине взойдёт в два раза больший урожай. Но на этой земле — я сомневаюсь, что здесь теперь может вырасти хоть что-нибудь хорошее. Кровь — и зола — не самое лучшее удобрение.

Прошлой ночью ещё один dhoine — вместе с семьёй и слугами — расстался с жизнью. Не знаю, действительно ли он сыграл хоть какую-нибудь роль в погромах, которые бушевали здесь прошлым летом, или у А. просто были к нему какие-то личные счёты — и, признаться честно, не очень-то и хочу знать. Я не выдержал бы и десятой части того, что выпало на её долю, и не мне осуждать её за её месть — хотя иногда мне всё ещё жутко на это смотреть. Быть может, со временем я привыкну.

К тому же, у меня всё равно нет лучшего плана. Чего я вообще хотел достичь? Сделать хоть что-нибудь, лишь бы не сидеть сложа руки, надеясь, что пожар обойдёт мой дом стороной? Со «сделать хоть-нибудь» А. прекрасно справляется — и она умеет увлечь за собой. Быть может, ещё немного — и я сам начну считать это местью. Быть может, потом я обо всём этом очень пожалею. Кто знает…

***

Даже сквозь шум дождя Доран услышал, как рассохшиеся ступеньки громко застонали под нетвёрдыми шагами, и отложил свой дневник.

Дверь с грохотом распахнулась.

— Я, между прочим, весь вечер тебя ждала, — протянула Аэлирэнн, прислонясь к дверному косяку. Она прихватила с собой уже наполовину опустошённую бутылку вина — и явно уже не первую за сегодняшний вечер.

— Но зачем? — спросил Доран.

— Они мертвы, — ответила она. — И ещё куча других dhoine. И не только dhoine. А мы всё ещё живы. Чем не повод отпраздновать?

Они сначала пытались защищаться. Потом откупиться. Потом просить пощады. От вида растёкшейся на полу кровавой лужи хотелось содрать с себя всю кожу. От запаха местного пойла мутило. От ругани и похабных песен на всеобщем языке звенело в ушах.

Доран только пожал плечами. Аэлирэнн одним рывком пересекла их каморку и опустилась на рядом с ним на сундук, служивший постелью.

— Держи, — сказала она, протягивая ему бутылку с вином, — полегчает.

Доран вздохнул и залпом сделал несколько глотков, потом вернул бутылку ей. Чудовищная дрянь, но ему, пожалуй, и правда хотелось, чтобы на душе стало хоть немного легче.

Аэлирэнн — тоже залпом — допила остальное. Её пальцы разжались, и стекло зазвенело по ветхому деревянному полу. А потом — она посмотрела ему в глаза, и взгляд её был страшен. На дне расширившихся зрачков — не только вино, стало быть — плясали дикие огоньки. Отблеск пожара, брызги крови, обещание неизбежной расправы — услужливо подсказал задурманенный разум.

Аэлирэнн подалась ближе — и Доран на мгновение был уверен, что она хочет перерезать ему горло и воткнуть нож под рёбра — и поцеловала его. Он не ответил на поцелуй.

— Я думал, что едва меня терпишь, — сказал он, когда Аэлирэнн наконец отстранилась.

— Но сейчас я достаточно выпила, — ответила она. — И я-то знаю, что ты со мной вполне добровольно. Cáemm a me.

Её губы — очень сухие и очень горячие — что-то шептали прямо над ухом, её пальцы были везде — залезали под рубашку, расстегивали пуговицы, перебирали волосы.

— Хватит, — остановил её Доран, когда смог наконец поймать её руку. — Перестань, пожалуйста.

— Почему же это? — попыталась вывернуться она. — Как там у вас говорят?

— Хватит, Аэлирэнн, — повторил он настойчивей, сильнее сжав её пальцы. — Прекрати.

Она поморщилась — то ли он разочарования, то ли от боли. Доран выпустил её руку.

— Ты пьяна, а я не хочу этого. Да и ты сама, я готов поспорить, ничего такого не хочешь. Просто ты почему-то решила, что иначе совсем никак. Иди спать, прошу тебя, и забудем об этом.

Когда Доран помог ей добраться до её койки — и она отвернулась лицом к стене, свернувшись клубочком и натянув одеяло на голову — он предпочёл сделать вид, что не слышал, как она судорожно вздыхает, пытаясь сдержать всхлипы, и не видел, как мелко подрагивают её плечи.

***

Иногда, когда я смотрю ей в глаза, мне кажется, что я нашёл свою смерть. Иногда мне кажется, что я пойду за ней до самого конца.

***

Лошади плелись, то и дело спотыкаясь и с трудом вытаскивая по бабки увязшие в грязи ноги. За ночь дождь перестал, но Аэлирэнн всё время куталась в плащ. Видно, после вчерашней ночи её знобило — точно не только вино — да и по утрам было всё ещё холодно.

— И куда мы теперь направляемся? — спросила она. — Мой скромный список закончился. Можно, конечно, продолжить убивать всех dhoine, которые подвернутся нам под руку, но ты, сдаётся мне, этого не одобришь. Да и наверняка у тебя найдётся идея получше.

— Может, и есть, — задумавшись, ответил Доран. — Может быть, она сможет устроить нам аудиенцию… И Шаэрраведд, я полагаю, ты никогда не видела. Нам на север. Дней за пять доедем, если поторопимся.

— Вот и отлично.

— А насчёт прошлой ночи… — начала Аэлирэнн, после того как они проехали пару миль в полном молчании, — наверное, мне стоит извиниться. За лишнюю настойчивость.

Доран только нервно пожал плечами. Всё-таки он надеялся, что она тоже не пожелает больше об этом вспоминать.

— Хорошо. Как знаешь.

— И всё же, — продолжила она. Только повод для дальнейших вопросов, стало быть, — что с тобой не так? Ну же? Мужчины? Мальчики? Чародейки? Суккубы? Трагическая история про разбитое сердце? Какая-нибудь неизлечимая болезнь?

— Нет, — покачал головой Доран.

— Я уже поняла, что нет, — невесело усмехнулась она.

— Нет, — ответил он, — ничего из… сколько пунктов ты перечислила? Ничего из перечисленного. Тебя это оскорбляет?

— Не оскорбляет. Но мне всё-таки интересно…

— Мне не близок твой, хм, способ взаимодействия с миром, — перебил её Доран, мысленно проклиная себя за то, как, должно быть, жалко звучат его слова. — Пожалуйста, не заставляй меня объяснять дальше. И я не стану спать с тобой из жалости к тебе, или из дружеского расположения, или из желания тебе угодить — по крайней мере потому, что ты заслуживаешь чуть больше искренности. Любая женщина из Синих Гор сочла бы такое за оскорбление.

— Ну вот, — ответила она. Его слова её явно только позабавили. — А теперь ты назвал меня чуть ли не dhoine.

— Кем бы ты ни была, — собравшись с силами, серьёзно ответил Доран, — и как бы ко мне ни относилась, ты мне нравишься, sor'ca. И ты можешь не сомневаться в моей преданности. Но сделай, прошу тебя, единственное одолжение — больше никогда не пытайся залезть ни ко мне в голову, ни ко мне в постель. Ни там, ни там ты не найдёшь ничего хорошего.

Аэлирэнн протяжно рассмеялась.

— Так и быть. Если ты так категорически против, в твою постель я больше, как ты выражаешься, не полезу. А вот насчёт твоей головы, — добавила она, подгоняя своего коня, — не получится. Готова поспорить, что я уже там.

Chapter End Notes

На самом деле это опоздавшая на два года (два года, чёрт возьми!) глава имени Хлопьев

Тяга к поражению (Аэлирэнн / Гезрас из Лейды, гет, PG-13)

Chapter Summary

... if we have a fight I might even let you win.
День 22 (помните такой?) — Competing

Chapter Notes

Музыкальное сопровождение: https://music.youtube.com/watch?v=snNArMV_8KU&si=L7tMrAof0CMOLg--&feature=xapp_share

See the end of the chapter for more notes

Блок. Контратака. Звук шуршащей под сапогами травы – пируэт, снова удар, свист стали в воздухе – она промахнулась, выпад, уворот, снова выпад, лёгкий шелест – её противник уклонился, сделав полшага в сторону.

Гезрас потянулся, облокачиваясь спиной о кривой осиновый ствол, и отложил очередное древко будущего арбалетного болта. Не было никакой нужды смотреть, чтобы понять всё, что происходит на поляне в десяти шагах от него. Все их тренировки выглядели одинаково – и не очень-то интересно.

Доран был хорошим фехтовальщиком – наверняка он впервые взял в руки меч, едва научившись ходить – и каждое его движение было точным и идеально выверенным. А ещё скупым и лишённым жизни – так уставший кузнец орудует молотом, а старая лошадь тянет плуг, пытаясь не потратить ни капли лишних сил.

Она была быстрее, и не гнушалась действовать хитро и подло: бить по коленям, делать обманные выпады, пользоваться тем, что держит оружие в левой руке. И при этом только защищалась и уворачивалась – как те, кто или не уверен в своих силах, или слишком уверен в силах противника и потому только ждёт момента, чтобы скрыться и убежать.

Никто из них не собирался побеждать – и потому смотреть было не на что.

Сталь опять зазвенела о сталь, а потом один клинок со скрежетом соскользнул с другого.

– Ты опять поддаёшься, – разочарованно сказала Аэлирэнн. Значит, какая-никакая победа в этот раз всё-таки за ней.

– Нисколько, – соврал Доран в ответ.

Ведьмак только устроился поудобнее и закрыл глаза.

***

Гезрас слишком поздно понял, что попал в ловушку. Он пытался достать Эрланда, размахивая деревянным мечом – и только сейчас заметил, что после каждого неудачного удара отступал на шаг назад. Теперь отступать стало уже некуда. Он ещё раз замахнулся, пытаясь вложить в удар весь свой – совсем небольшой, если подумать, вес – а Эрланд в самый последний момент поставил блок. Гезрас понял, что упал бы носом прямо в песок, не подставь его противник свой меч – и глаза, хотя они и должны уже были лишиться возможности плакать, предательски защипало.

– Ну что? – спросил Эрланд, улыбнувшись. – Ты сдаёшься?

Было до жути обидно. Эрланд всегда бил даже не вполовину – вчетверть своей силы – и никогда не использовал ведьмачьи знаки, а Гезрас всё равно каждый раз проигрывал. Он попытался встать чуть удобнее, опёрся левой рукой о ветхую крепостную стену, под которую его загнал ведьмак, и на землю посыпалась каменная крошка. На мгновение прикрыл глаза и выдохнул – выход из ловушки пришёл ему в голову сам собой. Комья засохшего плотницкого раствора и мелкие обломки кирпича полетели Эрланду в лицо, а Гезрас отбросил в сторону бесполезный деревянный меч, наклонился вперёд, проскользнув под его руками, изо всех сил пнул куда-то в щиколотку и прошипел:

– Не сдаюсь.

Эрланд отшатнулся – и потерял бы равновесие, если бы не уперся руками в стену, под которую сам загнал Гезраса лишь несколько секунд назад. Он коснулся лица – и Гезрас увидел, что под правым глазом у него начал расползаться фингал.

Глаза опять защипало. Эрланд часто говорил, что никакая победа невозможна без уважения и сочувствия к врагу – неважно, будь то человек или чудовище – и что не стоит унижать себя подлостью или обманом – ни в драке, ни вообще. Гезрас был готов сейчас увидеть разочарованный взгляд и услышать очередную нотацию.

– Я не хотел… – начал он, глядя на свои сапоги, но Эрланд, наконец вернув себе нормальное зрение, только улыбнулся, тепло и по-доброму, как только он и умел, и громко рассмеялся.

– Прости, малыш, – он покачал головой, так и не в силах сдержать смех. – Уж очень сильно ты мне кое-кого напомнил.

***

Чужой сапог мягко коснулся его колена – вот этого она могла бы и не делать, всё равно знала, что он не спит – и через мгновение Гезрас открыл глаза, вскочил и поймал брошенный ему тренировочный меч – плод очередного ограбления очередного поместья какого-то dhoine.

– Котик, вставай, – сказала Аэлирэнн. – Мне надоело с ним драться. Слишком скучно.

– Так тут я не помощник, – ответил он таким же беспечным тоном. – Потому что со мной будет слишком быстро. И больно, скорее всего.

Сам Гезрас ни поддаваться, ни проигрывать не умел, и потому в подобных развлечениях никогда не участвовал. Ни у обычного человека, ни у Seidhe шансов против ведьмака не было, ни один его противник ещё не вышел из подобной схватки живым. Даже чародеям из замка Стигга этого не удалось – а уж если бы Аэлирэнн решила встать против него всерьёз, то не прожила и бы и двадцати ударов сердца. Хорошо, что этого и не нужно – потому что это он всегда будет её защищать.

– А ты всё-таки покажи мне, – не отступала она.

– Потом только не обижайся, – ухмыльнулся Гезрас, вынимая меч из ножен.

Его терпения – и сил себя сдерживать – и правда хватило ненадолго. Несколько раз он просто уходил финтом в сторону, показывая, что не так с её выпадами и ударами, и бил мечом плашмя, если она открывалась.

Потом она замахнулась – вышло слишком низко – Гезрас парировал, и её клинок безнадёжно застрял между гардой и лезвием его меча. Хрупкое равновесие, которое никто из них не смог нарушить – если бы не желал победы.

– Ты так себе дерёшься, – сказал Гезрас, не упуская возможности её подразнить. – Потому что думаешь только о том, как бы тебе выжить.

Она крепче стиснула рукоять меча, и так обычно бледные пальцы совсем побелели, и прищурилась, глядя на него через скрещенные мечи.

– Конечно. А о чём ещё…

Ведьмак не дал ей договорить – только мимолётно улыбнулся, левой рукой вытащил из-за пояса нож и приставил к её шее, заставляя поднять подбородок и посмотреть ему в лицо. Она даже не дрогнула – только смотрела на него, широко улыбаясь.

– О том, как убить меня.

– Я бы сказала, что это нечестно, – начала Аэлирэнн, и взгляд её был настолько безумен, что Гезрас проглотил “честно не бывает”, готовое сорваться с языка. – Но так мне нравится даже больше.

Её меч с глухим стуком упал в траву, пальцы сомкнулись на лезвии его ножа – Гезрас замер, чтобы ненароком её не поранить – а потом она положила левую руку ему на шею, притянула к себе и поцеловала. С ладони, всё ещё сжимавшей его нож, капала кровь.

“Хорошо, что этого и не нужно,” – отрешённо подумал Гезрас. – “потому что тебе бы я проиграл.”

Chapter End Notes

Всем привет, кто ещё в этой лодке, можно даже пошутить про "не прошло и года".

Where water ne'er sprung nor a drop of rain fell (Аэлирэнн & ОМП, джен, PG-13)

Chapter Summary

Day 17 — Washing something

Chapter Notes

Музыкальное сопровождение: https://youtu.be/-Jj4s9I-53g?si=dVEgMGGSbtWT22om

See the end of the chapter for more notes

Красные разводы расходились в прозрачной воде, как распускающиеся цветы. Её бледные тонкие пальцы, все испещрённые трещинами, упорно терзали грубую ткань. Плечи то и дело подрагивали на прохладном весеннем ветру.

“Всё должно быть по-другому,” – подумал Доран. Он сидел на бревне у воды и безотрывно наблюдал, как его спутница пытается отстирать от чужих мозгов и крови свою куртку. Помочь себе она не позволила.

– Есть у тебя какой-нибудь план? – внезапно спросила Аэлирэнн, подняв голову от воды.

– Что? – не понял Доран.

– Из Шаэрравэдда нас с нашими бреднями пусть и с почётом, но выгнали. В – как это там? – dhoine a muire ты и сам, наверное, не веришь. Потому и спрашиваю, есть ли у тебя какой-нибудь план.

Плана у Дорана не было. Плана, по правде говоря, не было ни у кого. Старейшины хотели переждать людей, словно чуму или заразу, но люди не были ни чумой, ни заразой. Люди не просто пришли из-за моря – люди и сами были как море, которое вышло из берегов и грозится теперь пожрать весь Континент. Если не заставить их с собой считаться.

– Я не знаю, – честно признался Доран. – Но я думаю, многие из молодых Seidhe не хотели бы слушать старейшин. Да и не только Seidhe – среди Старших народов наверняка найдутся те, кто с нами согласен. Кто хочет не победить dhoine – но заставить их считаться с нами.

Людей нельзя отправить в море, откуда они приплыли – но можно утопить в море своей – и чужой – крови.

– Но для этого кто-то должен начать первым. Кто-то должен ослушаться старейшин и повести их за собой. И многие погибнут, – наполовину спросила, наполовину констатировала Аэлирэнн.

– Очень многие, – кивнул Доран. – Очень многие из тех, кому так предстояло бы ещё долго жить. Скорее всего, даже и мы с с тобой.

– Самоубийственная и заведомо проигранная война. От такого нескоро отмоешься, – тихонько рассмеялась Аэлирэнн, потом повесила наконец свою куртку на ветку плакучей ивы над рекой. – Но ничего. Должен же кто-нибудь делать всю самую дерьмовую работу.

– Как в пустом колодце, – кивнул Доран.

Всё должно быть не так. Не ей должно отстирывать в реке чью-то кровь и мозги – и не им вести на смерть добрую половину их народа, но придётся. Иначе никак.

– Чего? – не поняла она. Она ещё вообще ничего не поняла.

– “Что сух, и воды век не видели в нем. И вновь она будет любовью моей…” – едва слышно промурлыкал Доран, а потом продолжил думать вслух. – Розы. Она ведь их тебе подарила?

Аэлирэнн – искренне и совершенно очаровательно – улыбнулась воспоминанию, а потом снова натянула свою привычную кривую усмешку.

– И что с того? – спросила она.

Тонкая рубашка облегала дрожащую от холода точёную фигуру, светлые волосы развевались на весеннем ветру. Глаза её горели – теперь уже привычным, но всё ещё страшным огнём. На лице ещё остались подсохшие брызги крови.

– Ты очень красива, – сказал Доран. – В самый раз для символа Сопротивления. Будешь теперь Белой Розой – и поведёшь их всех за собой. Лучшего плана у меня всё равно нет.

– Да иди ты к чёрту, – беззлобно ответила ему Аэлирэнн, прозванная теперь и отныне Белой Розой из Шаэрраведда, а он набросил ей на плечи свой плащ.

Chapter End Notes

В сборнике драбблов получился драббл, ура! И между прочим, поздравьте меня, спустя 3 года тут больше половины частей

Разрыв-трава (ОМП / ОМП, слэш, PG-13)

Chapter Summary

Day 27 – Moving in together

Chapter Notes

See the end of the chapter for notes

– Спирт, optima mater, серебряные опилки, нигредо, одна унция, двимеритовая пыль, раствор ртути, сера, одуванчик, шишки хмеля, каприфоль – всего по две унции…

– И разрыв-трава, – серьёзно добавил Луи. За прошедший вечер он успел перетащить всё своё барахло в закуток пещеры, которую Волчиха нескромно именовал “своей мастерской”, а теперь устроился на груде ящиков, служивший тому импровизированным столом, с пригоршней метательных ножей и пузырьком яда в руках.

Очередная завёрнутая в яркую тряпицу бомба с глухим звуком опустилась в ящик. За целый вечер там набралось уже с полдюжины её собратьев.

– И разрыв-трава, – повторил ведьмак. Глаза его при этом сощурились, придавая сходство с всамделишным котом, цеховым зверем его школы.

Потом он тряхнул головой, потянулся, протёр глаза – и сообразил наконец:

– Что? Не бывает такой.

– Да как же это не бывает? – попытавшись придать себе самый что ни на есть учёный и знающий вид, ответил Луи. – Ты же ведьмак, vatt’ghern, стыдно тебе не знать. Ежели увидишь гнездо змеиное, альбо ежиное, надобно то гнездо завалить камнями альбо закидать соломою, а самому в сторонке схорониться и обождать. Змея, дабы путь к детям своим отворить, приносит разрыв-траву, а трава то чародейская и шибко магическая и любой замок альбо засов отмыкает.

Выражение лица ведьмака с каждый словом этой тирады становилось всё более и более кислым, словно тот жевал недозревший лимон, и Луи наконец не выдержал, рассмеялся и ткнулся лбом ведьмаку в плечо.

– Ты издеваешься, – Эгберту, ведьмаку Школы Кота, прозванному за буйный нрав Волчихой, только и оставлось, что констатировать очевидный и бесспорный факт.

– А ты хочешь спать. Ночь на дворе, vatt’ghern.

– Мы ещё не закончили, – запротестовал ведьмак.

Госпожа Аэлирэнн приказала выступать завтра, на рассвете — и ничего хорошего их не ждало. Три каэдвенских форта, каждый с ганизоном солдат — это тебе не караван купцов и не одинокий патруль. Даже рыжий полукровка, вечно во всём с ней согласный — Луи пару раз посмеялся над безволием ведьмачьего атамана, на что Волчиха чуть ли не смертельно обиделся — говорил, что они ещё не готовы к серьёзной битве. Аэлирэнн, однако, была непреклонна, а слово её — было законом. И потому они теперь пытались… Он опять почему-то вспомнил человеческую поговорку.

– Перед смертью не надышишься, vatt'ghern. Зато можно выспаться.

Волчиха снова протёр покрасневшие глаза.

— Скажи на милость, с каких пор ты сыплешь поговорками, как моя тётушка?

Луи это забавляло. В языке dhoine, несмотря на всю его неблагозвучность, можно было найти немало весёлого – а лучше всего было то, с каким очаровательно растерянным видом на его болтовню реагировал ведьмак. Ради такого можно было и потрудиться запомнить все эти глупости.

— А хочешь ещё одну? — спросил Луи. К делу стоило подойти немного решительней – а потому он принялся стаскивать свои сапоги.

Ведьмак посмотрел на него убийственно.

– Aen mor a'caemm fore. А знаешь, как по-вашему будет?

Ведьмак продолжал сверлить его взглядом – а ещё с трудом и безуспешно пытался отмерить очередные две унции каприфоли.

– Двум не бывать, а одной не миновать, стало быть. Так что если нам завтра подыхать – то никакие бомбы не помогут. Поэтому давай уже спать.

Луи не стал делиться своими прочими наблюдениями – что к Аэлирэнн смерть уже как будто пришла, заглянула ей в глаза и ушла прочь – и потому та считала себя бессмертной – и что рыжий атаман ведьмаков выглядел так, словно его распороли, как тряпичную куклу, пересчитали кишки и зашили обратно – и потому он хотел поскорее умереть окончательно. Но Волчихе о таких делах знать незачем.

Потом Луи стащил свою – выигранную у ведьмака в гвинт – стёганую куртку, и устроился прикрытой рогожей груде соломы, служившей Волчихе постелью.

— Раз уж ты всю ночь собираешься делать свои бомбы – то я сегодня сплю тут. У тебя хоть помягче.

– А у тебя совести нет, – пробурчал ведьмак – а потом всё-таки тоже согласился с неизбежным и принялся раздеваться.

Позже, когда Луи уже почти уснул, ведьмак легонько шевельнулся в его объятиях.

– Расскажи сказку, раз такой умный, – пробормотал он. – Никогда не приходилось слушать.

Луи рассмеялся – и принялся рассказывать.

Chapter End Notes

Это глава имени некоторых Любителей Хлеба

Pani jeziora, Vol.1 (Эрланд из Ларвика, Гезрас, ОЖП; джен, R)

Chapter Summary

Day 3 – Patching each other up

Chapter Notes

Музыкальное сопровождение: https://youtu.be/2r88eeZRnE4?si=lM6WK0pa_TLm7He8

See the end of the chapter for more notes

Она чуяла – их было двое. Приходили к ней многие – поддаться её ласке, поцеловать прохладную воду, увидеть её лицо – да так с ней и остаться. Никто не заменит того, единственного, но теперь у неё их много, много…

А сегодня даже двое. Оба пахли смертью, пахли кровью. Хотели навредить ей.

Первый, молодой – и злой, очень злой, хотел крови, хотел боли, но сам шёл к ней, даже петь не понадобилось. Второй постарше, шёл за первым, долго шёл за первым, был напуган, но нет, не её он боялся…

– Иди ко мне… – пропела она.

***

Эрланд шёл по следу уже больше месяца. Дар после долгих уговоров все же сузил круг поисков, применив свои магические таланты, и попросил вернуться живым и целым – а больше никакой помощи не обещал. И тем не менее Эрланд каждый раз опаздывал. Там сожжённая деревня, здесь разграбленный купеческий караван или поместье, лес, откуда ни один охотник уже с пару месяцев не возвращался живым, а то и следы целого побоища – подготовленного и спланированного – и всегда слишком поздно. Они устроили охоту – и охотились на людей – а Эрланд каждый раз приходил слишком поздно.

Потому он так и удивился, когда узнал, что с нынешним заказом, пропадавшими в деревне Журавки людьми, его опередили ровно на полдня.

– Так милсдарь… – бормотал староста, сминая в руках шапку. – Вы разве не с *этим* вместе?

Этот – рыжие волосы, худощавый, невысокий, показал медальон с кошачьей головой, и у Эрланда на минутку сжалось сердце – сначала очень долго разнюхивал, как дела в деревне. Всё ходил по краснолюдским избам и что-то там расспрашивал, тёрся в кузнице и как будто к чему-то приглядывался. Староста, как он шепнул Эрланду слегка испуганно, прогнал бы его, да не осмелился. А потом он взял заказ.

В Журавках с недавних пор пропадали люди – молодые мужчины ходили на озеро, а потом к берегу прибивало изъеденные рыбами трупы. *Этот* тоже отправился туда, ещё утром, да так и не вернулся. Староста, к своему удовлетворению, его уже, похоже, похоронил.

***

Гезрас и сам не знал, зачем вообще взялся за дело. В последнее время он намного чаще убивал людей, чем чудовищ, и перестал испытывать по этому поводу хоть тень сомнения. Dhoine, в конце концов, те ещё твари. Стоило вернуться и рассказать ей, что оседлых эльфов в деревне, конечно же, не было, а люди и краснолюды жили мирно, так что надеждам на бунт, увы, не сбыться. Но ему стало скучно.

История была проста — но чем-то настолько притягательна, что теперь он стоял по колено в воде с обнажённым мечом, а левой рукой вытирал кровь с рассечённого лба. “Была бы здесь она,” – судорожно подумал Гезрас, собираясь для новой атаки.

Пару лет назад мимо деревни проезжал какой-то рыцаришко. Обрюхатил кметскую девушку и уехал – а она, безутешная, утопилась. А теперь жестоко мстила каждому, кто ходил на озеро: по ночам заманивала своим пением, днём – блеском серебра в воде, и не выпускала уже из своих объятий. Жутко, но притягательно, думал Гезрас, когда обыскивал берег озера и готовился к встрече с утопленницей – а потом когти ударили его сверху, с ветки плакучей ивы, и рассекли кожу чуть ли не до кости.

***

Эрланд гнал лошадь, как ошалевший. Не сомневался, что мальчишка и сам справится с русалкой, но не хотел опять его упустить. Нужно поговорить, во чтобы то ни стало – да и деревне помочь с напастью не помешает.

Тем сильнее – уже во второй раз – сжалось сердце от увиденного. Это, без сомнений, был тот мальчишка – злой, рыжий и отчаянный полукровка-эльф – и теперь он стоял посреди доброй дюжины утопцев. Те нападали по очереди, словно водили вокруг молодого ведьмака чудовищный хоровод. Наверху, на ветвях ивы, сидела утопленница. Длинные тёмные волосы спускались до самой воды, мешаясь с ветвями и листьями, рука с убийственными когтями спокойно лежала на бедре, черные губы растянулись в довольной улыбке.

– Ну же, милый, – прохрипел её жуткий голос. – Иди ко мне.

Гезрас отсёк очередному утопцу руку вместе с половиной плеча и посмотрел в её мёртвые глаза. Эрланд спрыгнул с лошади и выхватил меч.

***

Первого она подкараулила легко. Ласково коснулась – и потекла кровь, чёрная, густая, отравленная. Он сам пах этой кровью, хотел крови, своей, чужой – неважно. Она засмеялась. Потащила в воду, хотела подарить ему свой поцелуй – но он стал драться. Её дети собрались её защитить, и было даже забавно, она смеялась, наблюдая, как первый от них отбивается. Всё равно пойдёт с ней, всё равно встанет потом вместе с ними.

Второй пришёл позже. Взбаламутил её чистую воду копытами коня. Вынул меч – и тогда она испугалась.

Оба дрались как одно существо, как правая и левая рука, не давали ей себя тронуть. Тот, первый, не смотрел уже ей в глаза, не слушал уже её голоса.

Убили её детей, одного за другим, а самой ей серебро вошло в самую грудь – где болело. Она заскулила – а потом всё прошло.

***

Эрланд ударил в последний раз, легко и точно, и утопленница, тихо поскуливая, упала в тёмную воду. Ветер прогнал по поверхности озера лёгкую рябь, и тело чудовища заколыхалось. Что ж, теперь хоть чья-то обиженная душа упокоилась. У него за спиной Гезрас сжёг последнего утопца, начертив в воздухе знак Игни.

А потом Эрланд задал самый глупый вопрос из всех возможных.

– Значит, это ты?

– С утра был я, – прошипел Гезрас, скривившись от боли. Его глаза заливала тёмная кровь – видно успел принять каких-то эликсиров. – А ты что вообще здесь делаешь?

– Хотел поговорить, – ответил Эрланд. Не на такую встречу он, по правде сказать, рассчитывал.

– В самом деле? О чём же нам теперь разговаривать? – Эрланду показалось, что он хотел добавить ещё какое-то слово, но не стал. Гезрас кривовато усмехнулся, снова вытер кровь со лба. – Может, о старых добрых временах? До того, как меня решили убить, знаешь ли. Или ты об этом не знаешь?

Эрланд тяжело вздохнул. Конечно, он слышал о резне в замке Стигга. Теперь, похоже, придётся горько пожалеть, что он не думал об этом раньше.

– Ты ранен, – сказал вместо оправданий. – Позволишь помочь?

– Ладно, валяй, – ответил Гезрас спустя минуту раздумий. – Не истекать же мне здесь кровью, в самом деле.

Эрланд снова вздохнул и выудил из своих седельных сумок иголку с шёлковой нитью, чистую тряпку и пузырёк с эликсиром. Гезрас отёр меч, сунул в ножны и сел на бревно у воды. Его глаза всё ещё заливала кровь.

Эрланд подошёл ближе, опустился рядом с ним на колени и принялся обрабатывать рану. Было это странно – и совсем не так, как двадцать с лишним лет назад. Он чувствовал, как воздух чуть ли не искрится от напряжения.

– Скажи, что ты ничего не знал, – неожиданно пробормотал Гезрас спустя четверть часа молчания, когда Эрланд уже почти закончил с раной. – Скажи, что ты просто не знал, что я жив, что ничего никогда не слышал про замок Стигга, что ты…

– Я всё знал, – честно ответил Эрланд. – И я знаю, что ты творишь сейчас. Потому я и пришёл за тобой. Прости, что не сделал этого раньше.

– Я недавно вспоминал, как мы дрались, – продолжал Гезрас, совершенно, казалось бы, не обращая внимания на его ответ. – Я тогда насыпал песка тебе в глаза. Скажи, пожалуйста, скажи, что нам не придётся теперь снова драться.

Эрланд только мрачно молчал. Если надо – придётся. Как тогда, с Арном.

– А знаешь, Эрланд из Ларвика, – прошептал Гезрас уже совсем тихо, – честно говоря, я чертовски рад тебя видеть.

Потом легонько обнял его – у Эрланда в третий раз за сегодняшний раз предательски сжалось сердце – и обессилев от потери крови и выпитых эликсиров, обмяк без сознания.

Chapter End Notes

Лайки и комментарии (и чтение моего ao3) повышают мотивацию автора :)